

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЕННИС ЛИХЭЙН

Автор международных бестселлеров
«Остров Проклятых» и «Таинственная река»

КОГДА
ПОД НОГАМИ
БЕЗДНА

Звезды мирового детектива

Деннис Лихэйн

Когда под ногами бездна

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лихэйн Д.

Когда под ногами бездна / Д. Лихэйн — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-14811-6

Денниса Лихэйна называли «наследником Джона Стейнбека и Рэймонда Чандлера»; его романы, в которых переплетаются элементы детектива, триллера и драмы, стали мировыми бестселлерами и переведены более чем на тридцать языков. По многим книгам Лихэйна сняты художественные фильмы, например «Таинственная река» (2003) Клинта Иствуда, «Прощай, детка, прощай» (2007) Бена Аффлека, «Остров Проклятых» (2010) Мартина Скорсезе с Леонардо Ди Каприо в главной роли – и это лишь верхушка айсберга. Итак, познакомьтесь с Рейчел Чайлдс. Бывшая журналистка, она ушла из профессии после скандального срыва в прямом эфире и теперь живет затворницей; а в остальном это идеальная жизнь с идеальным мужем – пока случайная встреча не заставляет Рейчел усомниться во всем, что ее окружает, а то и в собственном рассудке. Хватит ли ей внутренних сил, чтобы совладать с невообразимыми страхами и немыслимой правдой? Впервые на русском – «самый захватывающий детектив из всех, что мне доводилось читать в последние годы» (Кейт Аткинсон); «криминальный романо неуволимых аферистах, неумной алчности и неизбежной мести; но в сердце его живет история любви» (Associated Press).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14811-6

© Лихэйн Д., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Пролог	8
I	10
1	10
2	18
3	25
4	27
5	35
6	46
7	53
8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Деннис Лихэйн

Когда под ногами бездна

Посвящается Дэвиду Уикэму, принцу Провиденса и отличному парню

*Когда даришь любовь, но она остается
без ответа, лучше отказаться от нее.
Я знаю это, но я знаю также, что не могу
вырвать тебя из своего сердца.*

Бадди Джонсон. Since I Fell for You¹

*Под маской я развиваюсь.
Рене Декарт*

Dennis Lehane
SINCE WE FELL
Copyright © 2017 by Dennis Lehane

© Л. Высоцкий, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Лихэйн – мастер сложных характеров, помещенных в напряженные и невероятно увлекательные ситуации. В данном случае он написал два романа в одном: книга о поиске идентичности и стремительный триллер, обманывающий ваши ожидания на каждом сюжетном повороте.

Гиллиан Флинн

Самый захватывающий детектив из всех, что мне доводилось читать в последние годы. Книга буквально пульсирует эмоциями, юмором и затаенной угрозой. Я влюбилась с первых же страниц.

Кейт Аткинсон

Лихэйн – уникал, один из немногих, в чьей власти менять условия игры. Он не просто сносит перегородки между жанрами – для него их будто не существует.

Тана Френч (Washington Post)

Криминальный роман о неуловимых аферистах, неумной алчности и неизбежной мести. Но в сердце его живет история любви.

Associated Press

Из кирпичиков, знакомых, казалось бы, до боли, Деннис Лихэйн выстраивает совершенно новое здание...

Washington Post Book World

Лихэйн достоин включения в пантеон самых интересных и талантливых американских писателей современности, причем вне зависимости от жанра.

Washington Post

Жесткая, элегантная, музыкально сбалансированная проза... ни грамма лишнего жира.

Milwaukee Journal Sentinel

Пролог

После «Лестницы»

Однажды в мае, во вторник, на тридцать седьмом году жизни, Рейчел застрелила своего мужа. Он повалился назад со странным, чуть ли не удовлетворенным выражением, словно в глубине души всегда знал, что так и будет.

Но на его лице также было написано удивление. Рейчел подозревала, что и на ее лице тоже. Вот ее мать – та не удивилась бы.

Элизабет Чайлдс, ее мать, никогда не была замужем, но написала известную книгу о том, как сохранить брак. Писательница и доктор наук назвала различные главы согласно выделенным ею этапам в любых отношениях, начинавшихся с взаимного влечения. Шумный успех книги под заглавием «Лестница» убедил мать (как сказала бы она сама, «вынудил») написать два продолжения, «Снова вверх по лестнице» и «Ступеньки лестницы: Рабочая тетрадь», причем каждое сочинение продавалось хуже предыдущего.

Сама Элизабет называла все три книги «шарлатанским снадобьем для эмоционально незрелых натур», однако к «Лестнице» относилась с грустной нежностью, потому что писала ее, не сознавая, как мало знает о предмете. Она сказала об этом Рейчел, когда той исполнилось десять лет. В один прекрасный день тем же летом, нагрузившись несколькими коктейлями – был уже вечер, – она объяснила дочери:

– Человек – это то, что он о себе рассказывает, а рассказывает он по большей части неправду. Не надо копать слишком глубоко. Если ты уличишь кого-то во лжи, это унижит вас обоих. Легче жить, принимая вранье.

Затем мать поцеловала дочь в лоб, потрепала по щеке и сказала, что у нее все будет хорошо.

Когда «Лестницу» опубликовали, Рейчел было семь лет. Она помнила шквал телефонных звонков, бесконечные разъезды, сигареты, которые вновь стала курить мать, и эту новую ауру утонченного шика, смешанного с отчаянием. Самой Рейчел, как она помнила, смутно казалось, что ее мать, никогда не знавшая настоящего счастья, на пике успеха стала еще несчастнее. Годы спустя Рейчел стала подозревать, что слава и деньги лишили мать возможности оправдывать свое плохое настроение. Она блестяще анализировала чужие проблемы, но была неспособна поставить диагноз самой себе и всю жизнь пыталась справиться с проблемами, которые рождались, крепились и умирали внутри ее. Рейчел, конечно, не понимала всего этого в свои семь лет – как и в семнадцать. Она видела только, что мать несчастна, и тоже чувствовала себя несчастной.

Мужа Рейчел застрелила на борту катера, в бостонской гавани. Несколько секунд – семь, восемь, десять? – он стоял на палубе, а затем свалился в море за кормой.

Но в эти последние секунды в его глазах мелькнула целая гамма чувств. Отчаяние. Жалость к себе. Ужас. Ощущение беспредельного одиночества, которое скинуло с него лет тридцать, превратив прямо на глазах Рейчел в десятилетнего мальчугана. И разумеется, возмущение. И гнев.

И охватившая его яростная решимость: хотя из моего сердца льется кровь, стекающая с подставленной руки, все обойдется, со мной не случится ничего страшного. Он ведь сильный человек, который сам создал все, что имело для него значение, и сможет преодолеть и это.

А затем обескураживающее понимание: нет, не сможет.

Он посмотрел прямо на нее, и в глазах его было самое невероятное чувство, вытеснившее все остальные.

Любовь.

Нет, это невозможно.

И все же...

Никакого сомнения. Необузданная, беспомощная, чистая любовь. Расцветая, она брызжет вместе с его кровью.

Он проговорил одними губами, как часто делал с другого конца набитого людьми помещения: «Я. Тебя. Люблю».

А затем он упал в воду и исчез в темной глубине. За два дня до этого в ответ на вопрос, любит ли она своего мужа, она сказала бы: «Да».

В книге ее матери о таких случаях говорилось в главе тринадцать, «Разрыв». А может, правильное было бы обратиться к следующей главе, «Конец истории»?

Рейчел не была уверена. Иногда она путала эти две главы.

I

Рейчел в зеркале 1979–2010

1

Семьдесят три Джеймса

Рейчел родилась в западном Массачусетсе, в Долине Пионеров, известной также как «район пяти колледжей». В Амхерстском и Гемпширском колледжах, Маунт-Холиоке, колледже Смита и Массачусетском университете в общей сложности насчитывалось две тысячи преподавателей и двадцать пять тысяч студентов. Рейчел выросла в мире кофеен, гостиниц, предоставляющих «завтрак и постель», толп обывателей и обшитых вагонкой домов с верандами по всему периметру и чердаками, пахнущими мускусом. Осенью листья, падавшие в изобилии, заполняли улицы, засыпали тротуары, забивали щели в изгородях. Зимой из-за снега в долине порой наставала такая тишина, что она сама становилась звуком. В июле и августе по улицам разъезжал почтальон на велосипеде со звонком на руле и прибывали туристы, чтобы посмотреть спектакли летнего театра и порыться в антиквариате.

Ее отца звали Джеймсом. Больше Рейчел не знала о нем почти ничего. Она помнила темные вьющиеся волосы и неожиданно вспыхивавшую неуверенную улыбку. По крайней мере дважды он водил ее на детскую площадку, занимавшую часть темно-зеленого косогора: туда часто спускались низкие облака, и отцу приходилось вытирать качели от росы, прежде чем посадить на них Рейчел. Во время одной из таких прогулок он ужасно ее насмешил, но чем именно, она не помнила.

Джеймс преподавал в одном из колледжей, но Рейчел не знала в каком и не имела понятия, был ли он адъюнктом, ассистентом или младшим специалистом на временной ставке. Может быть, он вообще преподавал не в местном колледже, а в Беркширском, или Спрингфилдском техническом, или Гринфилдском общественном, или Государственном университете Вестфилда, и так далее: неподалеку располагалось около десяти колледжей.

Когда Джеймс ушел от них, мать преподавала в Маунт-Холиоке. Рейчел не исполнилось еще и трех лет, и впоследствии она никогда не была уверена, видела ли она, как отец покидает дом, или же создала эту картину в своем воображении, чтобы залечить рану от его ухода. Сквозь стену домика, который они снимали в том году на Вестбрук-роуд, до нее донесся голос матери: «Ты меня слышишь? Если ты сейчас выйдешь из дома, я сотру тебя из памяти!» После этого послышался грохот тяжелого чемодана, спускаемого по задней лестнице, и щелчок закрываемого багажника. Скрежет и пыхтение остывшего двигателя, который вновь заводят, шорох зимних листьев и замерзшей грязи под колесами и... тишина.

Возможно, мать не верила, что он навсегда оставил их. Возможно, она убедила себя, что он вернется. Когда стало ясно, что этого не произойдет, ее разочарование перешло в постоянно растущую ненависть.

– Он бросил нас, – сказала ей мать, когда Рейчел, почти уже пятилетняя, начала приставать к матери с вопросами о том, где сейчас отец. – Он не хочет иметь с нами дела. И это к лучшему, радость моя, ведь нам и без него ясно, чего мы стоим. – Встав на колени перед Рейчел, она заправила ей за ухо выбившийся локон. – И давай больше не будем говорить о нем, ладно?

Но Рейчел, разумеется, продолжала говорить и расспрашивать. Поначалу мать сердилась, в ее взгляде вспыхивала паника, ноздри раздувались. Но потом паника сменилась странной,

едва заметной полуулыбкой, – скорее, даже слабым подергиванием уголка рта, горьким, самодовольным и победным одновременно.

И лишь годы спустя Рейчел поняла, что эта полуулыбка отражала решение матери (осознанное или нет – так и осталось неизвестным) сделать личность своего мужа полем битвы на войне, растянувшейся на все юные годы Рейчел.

Мать пообещала сообщить фамилию Джеймса, когда дочери исполнится шестнадцать – если к тому времени она станет достаточно взрослой, чтобы правильно отнестись к этому. Но именно тем летом, накануне шестнадцатилетия Рейчел, полиция задержала ее в угнанном автомобиле вместе с Джародом Маршаллом, между тем как она обещала матери никогда не встречаться с ним. Беседу отложили до окончания школы, но в тот последний год разразился скандал из-за употребления экстази во время школьного бала, и Рейчел еле дотянула до выпуска. Если она поступит в колледж, сказала мать, сначала в общественный, чтобы повысить выпускные оценки, а потом в «настоящий», можно будет вернуться к этому разговору.

Они постоянно препирались из-за этого. Рейчел кричала и швырялась чем попало, улыбка матери становилась все тоньше и холоднее.

«Зачем? Зачем тебе это знать? Зачем встречаться с человеком, который не сыграл никакой роли в твоей жизни и не помогал деньгами? Может, надо разобраться в себе и понять, в чем причина твоего расстройства, прежде чем отправляться на поиски субъекта, который ничему тебя не научит и не даст тебе покоя?»

– Я хочу знать это, потому что он мой отец! – кричала Рейчел.

– Он тебе не отец, – отвечала мать с елеиным сочувствием. – Просто поставщик спермы, вот и все.

Это было сказано под конец одной из самых яростных ссор, чернобыльской катастрофы в семейном масштабе.

Рейчел сползла по стене гостиной на пол со словами:

– Ты меня убиваешь.

– Я тебя защищаю, забочусь о тебе, – возразила мать.

Взглянув на нее, Рейчел с ужасом убедилась, что та говорит искренне. И что еще хуже, она была убеждена, что исполняет свой долг.

Когда Рейчел, студентка первого курса Бостонского колледжа, слушала лекцию из курса «Введение в историю английской литературы с 1550 года», ее мать проехала на красный свет в Нортгемптоне, и «сааб» с неосторожной водительницей был смят мчавшимся на предельной скорости бензовозом. Пожарные и спасатели, прибывшие из самого Питтсфилда, опасались, что цистерна может быть пробита, но оказалось, что ее лишь сшибло с рамы. Авария произошла в густонаселенном жилом районе, совсем рядом с домом, где обитала пожилая пара, и одноэтажным детсадом.

Водитель бензовоза слегка вывихнул шею и порвал связку на правом колене. Знаменитая некогда писательница Элизабет Чайлдс при столкновении погибла. Ее известность в масштабе страны уже сошла на нет, но местная слава далеко еще не закатилась. «Беркшир игл» и «Дейли Гемпшир газетт» поместили некрологи на первой полосе, в нижней половине страницы; на похоронах присутствовало много народу, – правда, на поминках людей было уже меньше. Пришлось отдать большую часть приготовленных блюд в приют для бездомных. Рейчел побеседовала с несколькими подругами матери и одним другом, Джайлзом Эллисоном, который преподавал политологию в Амхерсте и, как давно подозревала Рейчел, был ее любовником для редких встреч. Подозрения были, по всей вероятности, оправданными, так как женщины обращались к нему с особым почтением, а сам он говорил очень мало. Обычно он был довольно разговорчив, но сейчас лишь открывал рот, собираясь что-либо произнести, после чего отказывался от своего намерения. Он рассматривал все в доме так, словно старался как следует запомнить вещи, знакомые ему и связанные с приятными моментами его жизни. Очевидно, это

было все, что осталось у него от Элизабет, и он пытался примириться с мыслью, что никогда больше не увидит ни ее, ни этих вещей. Он стоял у окна гостиной и смотрел на Олд-Милл-лейн, поливаемую мелким апрельским дождем; Рейчел почувствовала жалость к этому человеку, которого в скором будущем ждали пенсия и забвение. Джайлз Эллисон надеялся совершить неизбежный жизненный поворот бок о бок с бестрепетной светской львицей, но теперь ему предстояло сделать это одному. Вряд ли у него был шанс найти другую партнершу с таким же ярким интеллектом и не менее яркими вспышками гнева.

Яркость эта проявлялась в ней очень своеобразно – назойливо и резко. Она не входила в комнату, а врывалась. Она не старалась расположить к себе друзей и коллег, а собирала их вокруг себя. Она почти никогда не выглядела уставшей и никогда не дремала; никто не помнил, чтобы она хоть раз болела. Когда Элизабет Чайлдс покидала помещение, ее отсутствие ощущалось, даже если вы появлялись там после ее ухода. Когда она покинула этот мир, все испытали точно такое же ощущение.

Рейчел с удивлением осознала, что смерть матери застала ее врасплох. Элизабет очень много значила для нее, и хотя Рейчел считала ее влияние на себя отрицательным, мать всегда *была рядом*. А теперь мать вырвали из ее жизни – резко и бесповоротно.

Вопрос об отце так и остался неразрешенным. Самая простая возможность получить ответ на него исчезла со смертью матери. Элизабет не хотела дать ответ, но знала его. Теперь его не знал, возможно, никто.

Джайлз, друзья матери, ее литературный агент, а также издатель и редактор знали ее довольно хорошо, при этом известная каждому по отдельности Элизабет Чайлдс слегка отличалась от остальных и очень сильно – от той, которую знала Рейчел. Все они познакомились с ее матерью уже после рождения Рейчел.

Энн-Мари Маккаррон дружила с Элизабет дольше всех местных жителей. Как-то раз, когда алкоголь развязал ей язык, Рейчел решила завести с ней разговор об отце.

– К сожалению, я ничего не знаю о Джеймсе, – сказала Энн-Мари. – Я впервые увидела твою мать через несколько месяцев после их развода. Помню только, что он преподавал где-то в Коннектикуте.

– В Коннектикуте? – Они сидели на «трехсезонной» веранде, всего в двадцати двух милях к северу от коннектикутской границы, но Рейчел почему-то никогда не приходило в голову, что ее отец мог преподавать не в одном из пяти ближайших или пятнадцати других массачусетских колледжей по эту сторону Беркширских холмов, а в Коннектикуте, в полчасе езды от дома. – В Хартфордском университете? – уточнила она.

Энн-Мари выпятила губы и раздула ноздри:

– Не знаю. Может быть. – Она обняла Рейчел одной рукой. – Я была бы рада помочь, но, по-моему, лучше оставить эти поиски.

– Почему? – спросила Рейчел. («Это вечное „почему?“», – подумала она.) – Он был настолько скверным человеком?

– Никогда не слышала, чтобы о нем так отзывались, – проговорила Энн-Мари с грустной гримасой. Посмотрев сквозь оконную сетку на серый туман, окутывавший холмы, она решительно заключила: – Понимаешь, дорогая, я слышала только, что он уехал, и больше ничего.

Мать завещала Рейчел все, чем владела. Это было меньше, чем ожидала Рейчел, но больше, чем ей требовалось в двадцать один год. Если бережно относиться к деньгам и правильно их вкладывать, на эту сумму можно было прожить лет десять.

В запечатом ящике письменного стола, стоявшего в кабинете матери, Рейчел нашла два альбома выпускников – школы в Норт-Адамсе и колледжа Смита. Докторскую, как до этого магистерскую, степень Элизабет получила в университете Джонса Хопкинса («В двадцать девять лет, – подумала Рейчел. – Боже правый!»), но единственным официальным доказательством этого были два диплома в рамках, висевшие на стене у камина. Она просмотрела аль-

бомы трижды, заставляя себя тщательно всматриваться в лица и подписи. Нашлось четыре фотографии матери: два официальных портрета и два снимка группы одноклассников. В альбоме колледжа Смита юношей по имени Джеймс не было, поскольку там учились только девушки, зато обнаружили два преподавателя. Но оба не подходили по возрасту и не были брюнетами. А вот в школьном альбоме оказалось шесть Джеймсов, и один из двоих – Джеймс Макгуайр или Джеймс Квинлан – вполне мог быть тем самым. Проведя полчаса за компьютером в библиотеке Саут-Хэдли, Рейчел выяснила, что Джеймс Макгуайр был парализован со студенческих лет в результате несчастного случая при спуске на плоту по порогам, а Джеймс Квинлан получил степень магистра делового администрирования в университете Уэйк-Форест и редко покидал Северную Каролину, где создал сеть магазинов, торгующих мебелью из тика.

Перед продажей дома Рейчел отправилась в Беркширское партнерское сыскное агентство, где встретила с частным детективом Брайаном Делакура. Он был лишь немногим старше ее и держался непринужденно, а его стройность заставляла думать о регулярном беге трусцой. Встреча состоялась в офисе Брайана на втором этаже индустриального парка в Чикопи – камерке, где кое-как помещались сам Брайан, письменный стол и картотека. Рейчел спросила, где партнеры. Брайан объяснил, что единственный партнер – это он сам, а штаб-квартира фирмы находится в Вустере.

Контора в Чикопи, которую он открыл лишь недавно, работала по франшизе. Он предложил Рейчел обратиться к одному из более опытных сотрудников фирмы, но у той не было никакого желания снова лезть в машину и тащиться в Вустер; она решила рискнуть и объяснила, зачем пришла. Брайан задал несколько вопросов и записал ответы в желтый фирменный блокнот, то и дело бросая на нее бесхитростно-заботливые взгляды, для которых ему стоило бы быть постарше. Рейчел увидела в нем серьезного специалиста, который лишь недавно пришел в профессию и пока еще работает честно. Это впечатление подтвердилось два дня спустя, когда Брайан посоветовал ей не нанимать его – и вообще никого. Он объяснил, что мог бы взяться за ее дело и предъявить счет за сорокачасовую работу, не добившись результатов.

– У вас слишком мало информации, чтобы найти его.

– Поэтому я вас и нанимаю.

Брайан поерзал в кресле.

– Я попробовал разыскать его после нашей первой встречи, но это не заняло много времени, так что вы мне ничего не должны...

– Нет, я заплачу.

– Однако времени было достаточно, чтобы убедиться в бесполезности затеи. Этот парень преподавал двадцать лет назад в одном из двадцати с лишним колледжей и университетов Массачусетса или Коннектикута. И если бы его звали Тревором или... мм... Закари, у нас имелись бы шансы. Мисс Чайлдс, я пробежался по интернету, проверив данные за последние двадцать лет, и обнаружил в двадцати семи подходящих учебных заведениях семьдесят три... – он кивнул, солидаризируясь с ее шокированным выражением, – человека по имени Джеймс, занимающих должность доцента, специалиста на временной ставке, адъюнкта или профессора. Одни проработали лишь семестр, другие и того меньше, третьи теперь на постоянной ставке.

– А нельзя найти личные дела, фотографии?

– Для некоторых, конечно, можно – скажем, для половины. Но сможете ли вы его узнать? А если он не попадет в их число? Тогда придется проследить жизненный путь остальных тридцати пяти Джеймсов, которые, в соответствии с демографическими тенденциями, должны были разъехаться по всем пятидесяти штатам. Вдобавок надо ухитриться раздобыть их фотографии двадцатилетней давности. Тогда я предъявлю вам счет не за сорок часов работы, а за четыреста. Но нет никакой гарантии, что мы его найдем.

Рейчел постаралась подавить огорчение, раздражение и чувство беспомощности, но в итоге раздражение лишь усилилось и вылилось в упорное возмущение этим пустомелей, не желающим взяться за дело. Ну и ладно, она найдет того, кто возьмется.

Брайан понял это по ее глазам и по движению, которым она сгребла сумочку со стола.

– Если вы пойдете к другому сыщику, он увидит молодую девушку, у которой водятся деньги, выдоит вас, но работу не сделает. И этот грабеж – иначе не скажешь – будет абсолютно законным. А вы останетесь без денег и без отца. – Затем, наклонившись к ней, он мягко спросил: – Где вы родились?

Рейчел мотнула головой в сторону окна, выходявшего на юг:

– В Спрингфилде.

– В роддоме осталась запись?

Она кивнула.

– Но там сказано, что отец неизвестен, – уточнила она.

– Но ведь тогда Джеймс и Элизабет жили вместе.

Рейчел опять кивнула.

– Однажды, после нескольких рюмок, она призналась, что в тот день, когда у нее начались схватки, они разругались, и отец уехал из города. После родов она от злости не захотела записать его в качестве отца.

Оба помолчали, затем Рейчел спросила:

– Значит, вы не возьметесь за мое дело?

Брайан Делакруа покачал головой:

– Оставьте все как есть.

Она встала и поблагодарила его за потраченное время. Руки ее тряслись.

Рейчел нашла множество фотографий, рассованных по всему дому: в прикроватной тумбочке в спальне матери, в коробке на чердаке, в письменном столе Элизабет. Примерно на восьмидесяти пяти снимках из ста они были вдвоем, мать и дочь. Рейчел поразились тому, с какой любовью глядят на нее глаза матери, хотя Элизабет и тут осталась верной своему жизненному стилю и любовь ее выглядела непростой, словно она одновременно обдумывала свое чувство. Оставшиеся пятнадцать процентов были снимками друзей матери и ее коллег из академических кругов и издательств. Большинство их сделали во время праздничных застолий или летних пикников; на двух, снятых в баре, Элизабет окружали люди, которых Рейчел не знала, но это явно были ученые и преподаватели.

И никакого мужчины с темными выющимися волосами и неуверенной улыбкой.

При продаже дома Рейчел откопала дневники и записные книжки матери, начатые после того, как она окончила колледж Эмерсона и переехала в Нью-Йорк, чтобы продолжить учебу в колледже с магистратурой. У Рейчел остались добрые воспоминания о старом викторианском доме в Саут-Хэдли, где они поселились, когда она училась в третьем классе. Там, похоже, водились призраки: иногда раздавался непонятный скрип в конце коридора или что-то бухало на чердаке.

– Небось тоже ученый народ, – говорила при этом мать. – Читают Чосера и попивают отвар из трав.

Записные книжки хранились не на чердаке, а в подвале, внутри сундука, под стопками зарубежных изданий «Лестницы». Записи в линованных блокнотах были настолько же беспорядочными, насколько упорядоченным было повседневное существование Элизабет. Половина их не имела дат; порой мать ничего не писала месяцами, а однажды – целый год. Писала же она чаще всего о страхах. До публикации «Лестницы» страхи были связаны в основном с деньгами – ставка преподавателя психологии не позволяла вернуть кредиты, взятые в студенческие годы, не говоря уже о том, чтобы послать дочь в приличную частную школу и затем в приличный колледж. А после того как книга стала национальным бестселлером, Элизабет

стала бояться, что не сможет написать достойное продолжение. Боялась она и того, что при следующей публикации все воскликнут: «А король-то голый!» – и обвинят ее в жульничестве. Как оказалось, не зря.

Но больше всего она боялась за дочь. На страницах материнского дневника Рейчел выглядела не шумным, радостным ребенком, которым можно гордиться, хотя порой он доставляет огорчения («У нее наблюдается склонность к игре... У нее такое доброе и щедрое сердце, что я ужасаюсь, представляя себе, что мир сделает с ним...»), а вечно недовольным, унылым, саморазрушительным существом («Ее резкость беспокоит меня меньше, чем неразборчивость; господа, ей ведь всего тринадцать... Она прыгает в воду в самом глубоком месте, а потом жалуется: мол, там слишком глубоко, и это я виновата в том, что она прыгнула»).

Через пятнадцать страниц шел такой пассаж: «Признаюсь со стыдом, что я была не лучшей матерью. У меня не хватало терпения мириться с последствиями недоразвития лобной доли. Временами я слишком резка и придираюсь, вместо того чтобы служить примером терпеливости. Боюсь, ей пришлось подвергаться бесцеремонному принуждению. И еще – отсутствие отца. В ее душе образовалась пустота».

Через несколько страниц мать вернулась к этой теме: «Боюсь, она растратит свою жизнь на поиски вещей, стараясь заполнить эту пустоту чем-нибудь преходящим, игрушками для души, вроде всяких новомодных средств или самолечения. Она считает себя жизнерадостным бунтовщиком, а на деле поверхностна. Ей не хватает *очень многого*».

Еще через несколько страниц стояла запись без даты: «Сейчас она больна, прикована к постели и нуждается в помощи больше, чем обычно. То и дело задает вопрос: „Кто он, мама?“ Она выглядит такой слабой – хрупкой, слезливой и слабой. В ней столько замечательного, в моей драгоценной Рейчел, но ей не хватает силы. Если я расскажу о Джеймсе, она отправится его искать. А он разобьет ей сердце. Зачем же содействовать ему в этом? Разве после всего пережитого я позволю ему снова ранить ее? Долбать ее прекрасное уязвленное сердце? Сегодня я видела его».

У Рейчел, сидевшей на предпоследней ступеньке подвальной лестницы, перехватило дыхание и помутнело в глазах. Она вцепилась в блокнот.

«Сегодня я видела его».

«Он меня не заметил. Я остановила машину около дома, в котором он поселился, оставив нас. Он стоял на лужайке перед домом, рядом с ним были они – жена, дети, которые заменили ему нас. Волос стало гораздо меньше, живот и шея сделались дряблыми. Сомнительное утешение. Выглядит счастливым. Господи прости, по-моему, хуже не могло случиться ничего. Я не верю в счастье, ни в качестве идеала, ни в качестве состояния духа, а он между тем счастлив. Видимо, раньше его счастьем угрожала наша дочь, которая не была нужна еще до ее рождения, и тем более – после. Она напоминала ему обо мне. О том, насколько я ему неприятна. Он навредил бы ей. Из всех, кто был в его жизни, только я не желала обожать его, и этого он не прощал Рейчел. Он думал, что я говорю ей гадости о нем. Как всем известно, Джеймс не выносил критики в адрес себя любимого».

Рейчел была прикована к постели только один раз в жизни – во втором классе средней школы, когда она подхватила моноклеоз перед самыми рождественскими каникулами. Болезнь выбрала очень удачный момент – Рейчел пролежала в постели тринадцать дней и еще пять набиралась сил, чтобы пойти в школу. В итоге она пропустила всего три дня занятий.

И наверное, как раз в это время мать видела Джеймса. Тогда она читала цикл лекций в Уэслианском университете и сняла дом в Мидлтауне, штат Коннектикут. Именно там и валялась в постели Рейчел. Она со смущением вспомнила, что мать не отходила от нее во время болезни, кроме одного раза, когда надо было купить продукты и вино.

Едва Рейчел начала смотреть «Красотку»² на видеокассете, как вернулась мать. Померив Рейчел температуру, она заявила, что зубы ослепительно улыбающейся Джулии Робертс издают «вселенский скрип», и унесла покупки на кухню.

Чуть погодя она снова вошла в спальню со стаканом вина в одной руке и влажным полотенцем в другой. Положив дочери на лоб полотенце и посмотрев на нее с печальной надеждой, она спросила:

– У нас с тобой все хорошо, правда?

– Конечно, – ответила Рейчел: в тот момент ей казалось, что так и есть.

Мать потрепала ее по щеке и взглянула на экран. Фильм подходил к концу. Прекрасный принц Ричард Гир появился с букетом цветов, чтобы не дать своей принцессе оказаться на панели. Он пихнул букет в руки Джулии, та рассмеялась и пустила слезу. Включилось музыкальное сопровождение.

– Ну сколько можно улыбаться? – пробурчала мать.

Значит, запись была сделана в декабре 1992 года. Или в начале января 1993-го. Восемь лет спустя, сидя на ступеньках подвальной лестницы, Рейчел поняла, что ее отец все это время жил в радиусе тридцати миль от Мидлтауна. И никак не дальше. Мать добралась до улицы, где стоял дом отца, понаблюдала за ним и его семьей и заехала в бакалейный и винный магазины, потратив на это меньше двух часов. Значит, Джеймс преподавал где-то неподалеку, скорее всего в Хартфордском университете.

– Если он все еще преподавал в то время, – заметил Брайан Делакура, когда Рейчел позвонила ему.

– Ну да.

Однако Брайан согласился, что теперь есть зацепка: он сможет взяться за дело, взять с Рейчел деньги и без угрызений совести смотреться в зеркало по утрам. В конце лета 2001 года Беркширское партнерское сыскное агентство в лице Брайана Делакура приступило к установлению личности ее отца.

И не установило ничего.

Никто из трех Джеймсов, преподававших в тот год в вузах северного Коннектикута, не подходил. Один был блондином, другой – афроамериканцем, третий – двадцатисемилетним юнцом.

Брайан опять посоветовал Рейчел бросить эту затею.

– Я уезжаю, – добавил он.

– Из Чикопи?

– Да. И выхожу из дела. Не хочу быть частным детективом, слишком это давит на психику. Похоже, я лишь разочаровываю людей, даже если делаю то, для чего меня наняли. Сожалею, что не смог вам помочь, Рейчел.

Она была обескуражена. В ней снова образовалась пустота, вызванная отъездом человека. Пусть даже его роль в жизни Рейчел была невелика, он бросал ее, хотела она того или нет. Права голоса у нее не было.

– А что вы собираетесь делать? – спросила она.

– Думаю, вернусь в Канаду, – произнес он уверенным тоном, будто нашел то, к чему стремился всю жизнь.

– Так вы канадец?

– Канадец, – подтвердил он, негромко рассмеявшись.

– А что у вас там?

– Семейная фирма, торговля лесоматериалами. А у вас как дела?

– В колледже было здорово. А сейчас я в Нью-Йорке, там уже не так весело.

² «Красотка» (1990) – американский фильм Гэрри Маршалла с участием Джулии Робертс и Ричарда Гира.

Все это происходило в конце сентября 2001-го, спустя две с половиной недели после разрушения башен Центра международной торговли.

– Да, конечно, – сказал он, нахмурившись. – Конечно. Но я надеюсь, у вас все наладится. Желаю вам всего наилучшего, Рейчел.

Она удивилась тому, как задушевно прозвучало ее имя. В его глазах читалась нежность; Рейчел с некоторой досадой осознала, что находит его привлекательным и что она упустила момент, когда надо было признать это.

– Значит, Канада? – произнесла она.

Еще один негромкий смешок.

– Канада.

Они распрощались.

Целый месяц после одиннадцатого сентября она вычищала сажу и пепел из своей квартиры в полуподвальном этаже дома на Вэйверли-плейс в Гринвич-Виллидж, откуда было рукой подать до большинства разбросанных по городу корпусов Нью-Йоркского университета. В день атаки на башни подоконники в квартире покрылись толстым слоем пыли, состоявшей из волос, осколков костей и обрывков тканей. Пыль оседала мягко, как свежий снег. В воздухе пахло гарью. Рейчел решила пройти к башням, но дошла только до пункта скорой помощи больницы Святого Винсента, где рядами стояли каталки, так и не дождавшиеся раненых. В следующие дни на стенах и на ограде больницы стали вывешивать фотографии с вопросом: «Вы не видели этого человека?»

Нет, она не видела. И теперь уже не увидит.

Вокруг нее были сплошные потери, несопоставимые с тем, что сама Рейчел испытала за всю жизнь. Повсюду она видела горе, безответные молитвы и фундаментальный хаос, принимавший вид всевозможных аномалий – сексуальных, эмоциональных, психологических, моральных – и быстро ставший лейтмотивом общения и нитью, связующей всех.

«Мы все потеряны», – подумала Рейчел и твердо решила как можно крепче забинтовать собственную рану и больше не копаться в ней.

Той осенью она наткнулась в записных книжках матери на две фразы, которые затем неделями повторяла про себя, как заклинание, каждый вечер перед сном:

«Джеймс не был предназначен для нас, – писала Элизабет. – А мы – для него».

2

Молния

Первый приступ паники случился осенью 2001 года, сразу после Дня благодарения. Она шла по Кристофер-стрит и поравнялась с женщиной ее возраста, сидевшей на черной каменной приступке перед входом в кооперативный дом. Женщина плакала, закрыв лицо руками. В те дни в Нью-Йорке такое случалось часто. Люди плакали в парках, в поездах и собственных ваннах: одни – молча, другие – громко, навзрыд. И все же Рейчел не смогла пройти мимо.

– Вам плохо? – Рейчел коснулась плеча женщины.

Та отшатнулась:

– Что вам надо?

– Просто хотела убедиться, что у вас все в порядке.

– У меня все хорошо. – Лицо женщины было сухим. Она курила сигарету, чего Рейчел поначалу не заметила. – А у вас?

– Да, конечно, – сказала Рейчел. – Я просто...

Женщина протянула ей несколько бумажных салфеток:

– Это нормально. Вытрите лицо.

У самой женщины даже глаза не были заплаканными. Она вовсе не закрывала лицо – просто курила.

Взяв салфетки, Рейчел почувствовала, что слезы обильно текут по ее лицу и каплют с подбородка.

– Все нормально, – повторила женщина.

Но взгляд, обращенный на Рейчел, говорил о том, что у нее не все нормально, даже напротив, все совсем ненормально. Наконец женщина отвела глаза от Рейчел, словно больше не могла выносить это зрелище.

Пробормотав слова благодарности, Рейчел поплелась прочь. На углу Кристофер-стрит и Вихокен-стрит красный фургон ждал зеленого сигнала. Водитель уставился на Рейчел светлыми глазами и улыбнулся ей, обнажив пожелтевшие от никотина зубы. Теперь по ее лицу текли не только слезы, но и пот. В горле застрял ком. Она чем-то подавилась, хотя ничего не ела этим утром. И не могла дышать. Черт побери, она просто не могла дышать! Горло не хотело пропускать воздух. Рот не хотел открываться. Она поняла, что ей обязательно надо открыть рот.

Водитель вышел из кабины. Он подошел к ней: бледные глаза, бледное лицо с ожесточенным выражением, рыжеватые волосы, плотно прилегающие к черепу. И когда он подошел, оказалось...

...Что он черный. И довольно полный. А зубы не желтые. Белые, как бумага. Он опустился на колени рядом с Рейчел (когда это она успела сесть на тротуар?), испуганно глядя на нее карими глазами:

– С вами все в порядке, мисс? Позвать кого-нибудь? Вы можете встать? Давайте я помогу. Держитесь за мою руку.

Она взялась за его руку, и он поднял ее на ноги там, на углу Вихокен-стрит и Кристофер-стрит. И оказалось, что уже не утро. Солнце садилось. Гудзон приобрел янтарный оттенок.

Добрый толстый человек обнял Рейчел, и она расплакалась у него на плече. Плача, она взяла с него обещание, что он никогда ее не оставит.

– Как вас зовут? – спросила она. – Как вас зовут?

Его звали Кеннет Уотермен, и, разумеется, больше они не встречались. Он отвез Рейчел к ней домой в своем красном грузовом автомобиле: сначала Рейчел показалось, что это большой фургон, наверняка пахнущий смазкой и пропотевшим нижним бельем, но на самом деле

машина была мини-вэном с креслами для детей и ковриками, усыпанными крошками хлопьев «Чирио». Кеннет Уотермен жил с женой и тремя детьми в районе Фреш-Медоуз в Куинсе и был столяром-краснодеревщиком. Доставив Рейчел домой, он предложил позвать кого-нибудь, кто присмотрит за ней, но она стала уверять, что теперь чувствует себя прекрасно, все хорошо. Просто этот город иногда действует так на людей – ну, вы поняли.

Он внимательно и недоверчиво посмотрел на нее, но уже темнело, а мини-вэн мешал проехать другим автомобилям, и те загудели – сначала один, затем другой. Уотермен дал ей визитную карточку – «Кеннис кабинетс»³ – и сказал, что можно звонить в любое время. Поблагодарив его, Рейчел вылезла из мини-вэна. Когда машина отъехала, стало понятно, что она даже не красного цвета, а бронзового.

Следующий семестр в университете Рейчел пропустила. Из дома она выходила очень редко – ездила только в Трайбеку к своему психиатру по имени Константин Пропкоп. Родные и друзья упорно называли его Конни. Больше он не рассказывал о себе ничего. Конни усматривал проблему в том, что Рейчел пытается возложить на себя вину в национальной трагедии, не желая признавать всей глубины собственной травмы.

– В моей жизни нет ничего трагического, – возражала Рейчел. – Конечно, бывали огорчения. А у кого их не бывает? Но обо мне заботились, хорошо кормили, я жила в благополучном доме. Просто я веду себя как капризный ребенок.

Конни строго посмотрел на нее:

– Ваша мать лишила вас одного из неотъемлемых прав – права общения с отцом. Она стала по отношению к вам эмоциональным тираном, чтобы удержать вас при себе.

– Но она защищала меня.

– От чего?

– Хорошо, – поправилась Рейчел. – Она *полагала*, что защищает меня от меня самой, от того, что я могла сделать, узнав, кто мой отец.

– Вы думаете, это настоящая причина?

– А что еще?

Ей внезапно захотелось выпрыгнуть в окно, перед которым стоял Конни.

– Представьте себе: у кого-то есть то, чего вы очень хотите, более того, оно вам *жизненно необходимо*. Есть такое чувство, которого вы не будете испытывать по отношению к этому человеку? Есть то, чего вы ему никогда не сделаете?

– Только не говорите мне о ненависти. Я еще как ненавидела ее.

– Вы никогда не бросите этого человека, вот что вы не сделаете.

– Мама была самым независимым человеком из всех, кого я знаю.

– Возможно, она казалась такой, пока вы были рядом. А что случилось бы, если бы вы ушли? Если бы она почувствовала, что вы собираетесь бросить ее?

Рейчел понимала, к чему он клонит. В конце концов, она недаром была дочерью психолога.

– Конни, идите знаете куда? Бросьте это.

– Что?

– Это был несчастный случай.

– С женщиной, которая, по вашим словам, была сверхосторожной, сверхпредусмотрительной и сверхкомпетентной? И не употребляла ни алкоголя, ни наркотиков в день гибели? Вы хотите сказать, что она могла поехать среди бела дня на красный свет? А дорога была абсолютно сухой.

– Ну вот, выясняется, что я убила свою мать.

– Я имею в виду нечто прямо противоположное.

³ Kenny's Cabinets (англ.) – «Мебельные гарнитуры Кенни».

Рейчел схватила пальто и сумочку:

– Моя мать не хотела заниматься психологическим консультированием, чтобы не попасть в одну компанию с шарлатанами вроде вас. – Она бросила взгляд на его диплом на стене, презрительно фыркнула: – Ратгерс!⁴ – и вышла вон.

Ее следующий консультант, Тэсс Портер, отличалась более мягким подходом, а кабинет ее находился гораздо ближе к дому Рейчел. Тэсс сказала, что они попробуют найти истину, исследуя отношения Рейчел с матерью, а план работы предложит сама Рейчел – не психиатр. Рейчел прониклась доверием к ней. От Конни она все время ожидала подвоха и, в свою очередь, всегда была готова к отпору.

– Если бы вы нашли отца, что вы сказали бы ему? – спросила как-то Тэсс.

– Не знаю.

– Вы боитесь этой встречи?

– Да.

– Из-за него?

– Из-за него? – Рейчел задумалась. – Нет, меня смущает сама ситуация. Понимаете, я не знаю, с чего начать разговор. «Привет, папочка! Где, черт побери, ты пропадал всю мою жизнь?» Так, что ли?

Усмехнувшись, Тэсс сказала:

– Но когда я спросила, не его ли вы боитесь, ваше «нет» прозвучало не очень уверенно.

– Правда? – Рейчел задумчиво посмотрела на потолок. – Знаете, это как с моей матерью. Она иногда противоречила самой себе, говоря о нем.

– Как это?

– Обычно она отзывалась о нем довольно приторно: «Милый бедняга Джеймс» или «Мой дорогой, такой чувствительный Джеймс». И непременно закатывала глаза. Она всегда хотела казаться передовой и не могла открыто признать, что он не был настоящим мачо в ее глазах. Пару раз она говорила мне: «В тебе есть отцовская слабость, Рейчел». А я в этот момент думала: «Во мне есть материнская слабость, сука». – Она снова посмотрела на потолок. – «Ищи себя в его глазах».

– Что-что? – спросила Тэсс, подавшись вперед.

– Она сказала это мне, опять же пару раз. «Ищи себя в его глазах и расскажи мне о том, что ты найдешь».

– При каких обстоятельствах это говорилось?

– В подпитии.

Тэсс криво усмехнулась:

– А что она имела в виду, как думаете?

– В обоих случаях она злилась на меня. Это я помню. Я всегда понимала это так: если бы он увидел меня, тогда... – Рейчел покачала головой.

– Тогда что? – мягко спросила Тэсс. – Какой была бы его реакция?

Рейчел понадобилась минута, чтобы успокоиться.

– Он был бы разочарован.

– Разочарован?

Рейчел выдержала ее взгляд.

– Испытал бы отторжение.

На улице потемнело, словно какая-то гигантская потусторонняя масса заслонила солнце и накрыла тенью весь город. Внезапно пошел дождь. Раскат грома был похож на грохот старого моста под колесами мощных грузовиков. Вдали раздался треск молнии.

– Почему вы улыбаетесь? – спросила Тэсс.

⁴ Ратгерский университет занимает достаточно низкие позиции в рейтинге университетов мира.

– А я улыбаюсь?

Тэсс кивнула.

– Я вспомнила кое-что еще из того, что говорила мать, особенно в такие дни, как этот. – Рейчел подобрала под себя ноги. – Что ей не хватает его запаха. Когда я спросила ее, чем же он пах, она закрыла глаза, понюхала воздух и ответила: «Молнией».

Глаза Тэсс чуть расширились.

– А в ваших воспоминаниях он тоже пах молнией?

Рейчел покачала головой:

– Нет, кофе. – Она стала следить за тем, как дождь бьет в оконное стекло. – Кофе и вельветовой тканью.

В конце весны 2002 года Рейчел справилась с тем первым приступом паники и агорафобии. Она снова пересеклась с парнем, который в прошлом семестре занимался вместе с ней в группе по изучению новых методов исследования. Его звали Патрик Мэннион, он был предельно тактичен и чуть полноват. При этом у него была досадная привычка шуриться, когда он что-нибудь плохо слышал. А это бывало часто из-за половинного снижения слуха на правом ухе – несчастный случай в детстве, во время катания на санках.

Пэт Мэннион был поражен тем, что Рейчел продолжает с ним разговаривать, – раньше они встречались только на одном занятии и, казалось, тогда исчерпали все темы для беседы. Еще больше его поразило то, что она предложила пойти и выпить вместе. А когда спустя несколько часов в квартире Пэта она потянулась к пряжке на его поясе, он выглядел как человек, поднявший голову, чтобы выяснить насчет облачности, и увидевший парящих над ним ангелов. Примерно такой же вид он имел в течение двух лет, проведенных вместе с Рейчел.

В конце концов она порвала с Пэтом – очень мягко, почти убедив его в том, что они оба так решили. Перед расставанием он посмотрел на нее со странно-ожесточенным достоинством и произнес:

– Я сначала никак не мог понять, почему ты связалась со мной. Ты такая шикарная, а я... нет. Ты... – Он поднял руку, прерывая ее. – А примерно полгода назад до меня дошло, что главное для тебя – не любовь, а надежность. Я знал, что рано или поздно ты оставишь меня первой, потому что – и это важно, Рейч, – *я никогда не оставляю тебя первым*. – Он улыбнулся, сокрушенно и трогательно. – Это всегда было моей целью.

Окончив аспирантуру, она прожила год в Уилкес-Барре, штат Пенсильвания, работая в «Таймс леджер», затем вернулась в Массачусетс, где вскоре начала писать статьи для «Пэтриот леджер», редакция которого находилась в Куинси. Одна из статей, посвященная расовым предрассудкам работников Хингемского полицейского управления, встретила такое шумное одобрение, что она получила электронное письмо... от Брайана Делакура. Он разъезжал по делам фирмы и увидел экземпляр «Пэтриот леджер» в приемной оптового торговца лесом в Броктоне. Брайан спрашивал, не та ли она самая Рейчел Чайлдс и, если да, нашла ли она своего отца.

Она ответила: да, она та самая Рейчел Чайлдс, но отца не нашла. Может быть, Брайан согласится сделать вторую попытку?

Тот написал, что не может: «Перегружен работой. Разъезды, разъезды, разъезды. Берегите себя, Рейчел. Вы не задержитесь в „Леджере“ надолго, вас ждут более важные дела. Мне очень нравится, как вы пишете».

И он оказался прав – год спустя она уже сотрудничала с крупным издательством «Бостон глоб».

Именно там ее разыскал доктор Феликс Браунер, акушер и гинеколог ее матери. Тема электронного письма звучала как «Старый друг Вашей мамы», но из дальнейшей переписки выяснилось, что он был не столько другом Элизабет Чайлдс, сколько человеком, к которому она обращалась за медицинской помощью. А в то время, когда Рейчел стала что-то понимать в этих вещах, у матери был уже другой гинеколог. Когда Рейчел достигла подросткового воз-

раста, мать познакомила ее с доктором Вина Рао: с ним имели дело большинство женщин и девушек, которых знала Рейчел. О Феликсе Браунере она никогда не слышала. Однако он уверял, что был врачом Элизабет после ее переезда в западный Массачусетс и даже способствовал появлению на свет самой Рейчел. «Вы были очень юркой и ускользали из рук», – писал он.

Затем он сообщил, что хочет поделиться с Рейчел некими важными сведениями о ее матери, но предпочитает сделать это при личной встрече. Они договорились встретиться в одной из кофеен Милбери, на равном расстоянии от Бостона и Спрингфилда, где жил Браунер.

Перед встречей Рейчел собрала информацию о докторе: картина оказалась не слишком благостной, как она и подозревала с самого начала. За год до этого, в 2006-м, ему запретили заниматься медицинской практикой из-за неоднократных жалоб пациенток на его сексуальные домогательства и половые извращения. Жалобы начали поступать в 1976 году, через неделю после того, как обходительный доктор окончил медицинский факультет.

Доктор Браунер притащил с собой в кафе два кейса на колесиках. Лет шестидесяти с небольшим, обладатель густых седых волос, он носил стильную прическу маллет, модную среди молодых людей, которые водят спортивные машины и посещают концерты Джимми Баффетта.⁵ На нем были светло-голубые джинсы, легкие кожаные туфли с декоративным хлястиком, под которыми не имелось носков, и черный льняной блейзер поверх гавайской рубашки. Тридцать лишних фунтов на животе были призваны свидетельствовать о жизненном успехе. С официанткой и ее помощниками доктор обращался фамильярно. По-видимому, он принадлежал к числу людей, которые очаровывают всех в момент знакомства, но теряются, если собеседник не смеется над их шутками.

Выразив Рейчел сочувствие в связи со смертью матери, Браунер напомнил ей, какой скользкой она была при рождении:

– Вас словно обмакнули в «Палмолив». – Затем он, не переводя дыхания, сообщил, что его первая обвинительница – «Назовем ее „Рунния“, ладно? И не только потому, что это похоже на слово „врунья“» – была знакома с несколькими другими. Он сказал, как их зовут, и Рейчел сразу задумалась о том, выдает ли он вымышленные имена или бесцеремонно нарушает права женщин на неприкосновенность частной жизни. Все они – Тоня, Мари, Урсула, Джейн и Пэтти – *знали* друг друга, утверждал Браунер.

– Ну, там, где народу мало, многие знают друг друга, – заметила Рейчел.

– Знают? – Он встряхнул пакетик с сахаром, прежде чем высыпать его в кофе, и стрельнул в Рейчел холодной улыбкой. – Вы так думаете? – Опустошив пакетик, он достал одну из своих папок. – У этой вруньи Руннии, как я выяснил, было множество любовников. Она была дважды разведена и...

– Доктор...

Он поднял руку, призывая ее к молчанию.

– ...И в одном бракоразводном процессе выступала как виновница развода. Пэтти выпивает в одиночестве. Мари и Урсула привлекались к ответственности за чрезмерное употребление наркотиков. А Тоня – хо-хо! – обвиняла в сексуальном домогательстве *еще одного* врача. – Он выкатил глаза в притворном ужасе. – Похоже, беркширские врачи – какие-то хищники, все как на подбор!

Рейчел знала одну Тоню из Беркшира, Тоню Флетчер. Та управляла гостиницей «Минитмен», всегда была погружена в себя и, казалось, чем-то обеспокоена.

Доктор Браунер выложил на стол кипу бумаги размером с бетонитовый блок и с торжествующим видом приподнял брови.

– Вы что, не признаете флэшек? – спросила Рейчел.

Он пропустил ее слова мимо ушей.

⁵ Джимми Баффетт (р. 1946) – популярный американский кантри-певец.

- У меня собран компромат на каждую из них, на каждую! Видите?
- Вижу, – сказала Рейчел. – И что я, по-вашему, должна сделать с этим?
- Помочь мне! – ответил он таким тоном, будто ничего другого не предполагалось.
- А почему я должна вам помогать?

– Я невиновен. Я не совершил ни одного плохого поступка. – Он повернул руки ладонями кверху и протянул их над столом. – Эти руки приносят в мир новую жизнь. Они принесли и вас, Рейчел. Эти руки первыми держали вас. Вот эти руки. – Он уставился на них так, будто испытывал к ним пламенную любовь. – Эти женщины погубили мое доброе имя. – Доктор сложил руки и опять посмотрел на них. – Из-за их происков я потерял семью. Я потерял свою *практику*. – На его ресницах блеснули слезы. – Я не заслужил этого. Не заслужил.

Рейчел попыталась выдавить из себя сочувственную улыбку, но подозревала, что та получилась неискренней.

- Я не вполне понимаю, чего именно вы от меня ждете.

Браунер откинулся на спинку стула:

– Напишите об этих женщинах. Покажите, что они вынашивают определенный замысел и *выбрали меня* для его исполнения. Было решено погубить меня, и это удалось. Они должны отказаться от своих намерений и реально искупить свою вину. Надо их разоблачить. Они предъявили мне иск в гражданском суде. А знаете ли вы, барышня, что защита в гражданском суде обходится в четверть миллиона? *Только защита*. Не важно, выиграете вы или проиграете, вы теряете двести пятьдесят тысяч долларов. Вы это знали?

У Рейчел в голове еще звенело слово «барышня», но все же она кивнула.

– Эти ведьмы собрались и изнасиловали меня, иначе не скажешь. Они втоптали в грязь мою репутацию, поссорили меня с родными и друзьями. Но этого им мало. Они хотят доконать меня, отнять у меня последние сбережения, чтобы я умер нищим в каком-нибудь приюте, превратившись в забытое всеми ничтожество. – Растопырив пальцы, он накрыл ими кипу бумаг. – На этих страницах собраны все грязные факты об этих грязных женщинах. Напишите о них. Покажите миру, кто они такие на самом деле. Вместе с этими бумагами я дарю вам Пулицеровскую премию.

- Я встретила с вами не ради Пулицеровской премии.

Он прищурился:

- А ради чего?
- Вы сказали, что у вас есть сведения о моей матери.

Он кивнул:

- Это потом.
- Когда «потом»?
- После того, как вы напишете эту историю.

– Я на таких условиях не работаю, – сказала Рейчел. – Если вы что-то знаете о моей матери, сообщите мне, и тогда посмотрим...

– Не о матери. Об отце. – Глаза его блеснули. – Как вы сами сказали, народу у нас мало. Люди болтают о том о сем. Что касается вас, дорогая моя, то известно, что Элизабет не хотела говорить вам, кто ваш отец. Мы, добропорядочные жители города, жалели вас и хотели бы рассказать о нем, но не могли. А я мог бы. Я знал вашего отца очень хорошо. Но врачебная тайна превыше всего. Я не мог сказать, кто он такой, без разрешения вашей матери. Теперь она умерла, а мне запретили заниматься врачебной практикой. – Он глотнул кофе. – Ну что, Рейчел, хотите знать, кто ваш папочка?

В первый момент она ничего не могла сказать. Затем выдавила:

- Да.
- Как-как?
- Да.

В ответ доктор резко опустил веки:

– Тогда напишите эту долбаную статью, сокровище мое.

3

Джи-Джи

Чем глубже Рейчел зарывалась в протоколы судебных заседаний и материалы, переданные Браунером, тем хуже все это пахло. Если доктор Феликс Браунер не был самым отъявленным серийным насильником из всех, кого знала Рейчел, то кто же им был? Он находился на свободе только потому, что единственная женщина, чье обвинение укладывалось в срок исковой давности, Рунния Фенниган, слегла от передозировки оксиконтин как раз накануне суда над Браунером. Рунния выжила, но в тот день, когда должна была давать показания, находилась в реабилитационном отделении. Окружной прокурор согласился с решением суда: аннулировать лицензию врача, дать ему шестилетний испытательный срок, приговорить к шести месяцам заключения (которые он уже отсидел) и издать распоряжение о неразглашении информации о судебном процессе, но реального тюремного заключения не назначать.

Рейчел написала статью, принесла ее в кафе в Милбери и, сев за столик напротив доктора Браунера, достала листы из сумки. Тот молча посмотрел на небольшую стопку.

– Вы что, не признаете флэшек? – спросил он.

Она скупно улыбнулась его шутке.

– Судя по вашему виду, у вас все хорошо, – заметила она.

Бывший поклонник Джимми Баффетта облачился в темно-коричневый костюм и свеженакрахмаленную рубашку. Волосы были зачесаны назад и густо смазаны гелем. Брови, напоминавшие мохнатые гусеницы, были подстрижены. На щеках играл румянец, глаза светились верой в будущее.

– Я действительно доволен, Рейчел. А вы выглядите просто изумительно.

– Благодарю вас.

– Эта блузка идет к вашим глазам и придает вам солидный вид.

– Благодарю.

– У вас всегда такие шелковистые волосы?

– Я только что подсушила их феном.

– Блестяще.

Рейчел одарила доктора ясной улыбкой. Глаза его вспыхнули, он тихо рассмеялся.

– О боже, – произнес он.

Ничего не сказав, она понимающе кивнула, глядя ему в глаза.

– Вы, наверное, уже *ощущаете запах* Пулицеровской премии.

– Давайте не будем слишком спешить.

Рейчел передала доктору статью. Тот поудобнее устроился на стуле.

– Надо заказать напитки, – произнес он рассеянно и начал читать.

Перевернув первую страницу, он взглянул на Рейчел, которая поощрительно кивнула. Затем брови его постепенно стали сдвигаться, а на лице отразилась тревога, перешедшая сначала в испуг, затем в отчаяние и, наконец, в возмущение.

– Но тут же написано, что я насильник! – воскликнул он, отмахиваясь от подошедшей официантки.

– В общем, да.

– Тут говорится, что это я привил женщинам наркотическую зависимость, злоупотребление алкоголем и половую разнuzданность.

– Так и есть.

– И вы пишете, что я пытался путем вымогательства заставить вас окончательно погубить этих женщин.

– Но вы же пытались, – приветливо кивнула она. – И наговаривали на них в моем присутствии. Готова спорить, что, порыскав по барам в вашей округе, я найду свидетельства того, что вы наговаривали на них половине всех мужчин в западном Массачусетсе. А значит, Феликс, вы нарушили условия испытательного срока. Когда «Глоб» напечатает эту статью, вы отправитесь прямиком за решетку.

Она откинулась на спинку стула, наблюдая за Браунером. Тот потерял дар речи. Наконец он вскинул голову, в глазах его читались мука и недоумение.

– Эти руки, – возопил он, подняв их, – дали вам жизнь!

– К чертям собачьим ваши руки. Предлагаю новую сделку. *Я не публикую* эту статью.

– Да благословит вас Господь! – Он выпрямился. – Я всегда знал...

– Скажите, как звали моего отца.

– С удовольствием, но давайте сначала закажем выпивку и обсудим это дело.

– Вы немедленно скажете его имя, или я отошлю статью в редакцию, надиктовав ее прямо с этого телефона.

И Рейчел кивнула в сторону бара. Браунер сгорбился и задумчиво посмотрел на потолочный вентилятор, крутившийся у него над головой со ржавым скрипом.

– Она называла его Джи-Джи.

Рейчел сунула листы в сумку, чтобы скрыть дрожь в руках.

– Почему Джи-Джи?

Он повернул руки ладонями кверху, повинувшись своей судьбе.

– Что мне теперь делать? Как жить?

– Почему она называла его Джи-Джи? – повторила Рейчел, поняв, что непроизвольно сжимает зубы.

– Все вы одинаковы, – прошептал он. – Высасываете из мужчин кровь, до последней капли. Из достойных мужчин. Вы хуже бубонной чумы.

Рейчел встала.

– Сядьте, – произнес он громко. Двое, сидевшие за столиком неподалеку, повернулись в их сторону. – Пожалуйста, сядьте. Не бойтесь, я буду вести себя хорошо.

Она села.

Доктор Феликс Браунер достал из кармана пиджака старый, сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его и протянул через стол. Рейчел взяла его. Дрожь в руке усилилась, но ей было наплевать.

Это был больничный бланк с шапкой «Женская клиника Браунера». Ниже стоял заголовок «Анамнез отца».

– Он приходил ко мне в клинику всего два раза. Мне показалось, что они часто ссорились. У некоторых мужчин возникает страх перед беременностью их женщины. Им представляется, что они попали в ловушку.

В графе «Фамилия» было аккуратно написано синими чернилами: «ДЖЕЙМС».

Вот почему они не могли его найти. Его фамилия была Джеймс, а имя – Джереми.

4

Третья группа крови

Джереми Джеймс с сентября 1982 года преподавал с полной нагрузкой в Коннектикутском колледже, небольшом учебном заведении гуманитарного профиля в Нью-Лондоне. В том же году он купил дом в городишке Дарем с семитысячным населением, расположенном на 91-й автомагистрали, в шестидесяти милях от того места в Саут-Хэдли, где выросла Рейчел, и в десяти минутах езды от дома в Мидлтауне, снятого ее матерью в тот год, когда Рейчел заболела мононуклеозом.

В июле 1983 года он женился на Морин Уайдермен, а в сентябре 1984-го у них родился сын Тео. Второй ребенок, Шарлотта, стала подарком на Рождество 1986 года. «Значит, у меня есть единокровные брат и сестра», – подумала Рейчел и впервые после смерти матери почувствовала хоть какую-то связь с миром.

Зная фамилию и имя, Рейчел уже через час получила всю информацию о жизни Джереми Джеймса – по крайней мере, ту, которая попала в официальные источники. Он стал адъюнкт-профессором истории искусства в 1990 году и профессором в 1995-м. В 2007 году, когда Рейчел разыскала его, он работал в колледже уже четверть века и возглавлял кафедру. Его жена, Морин Уайдермен-Джеймс, работала хранителем отдела европейского искусства в хартфордском музее «Уодсворт Атенеум». В Сети отыскалось несколько фотографий Морин, Рейчел понравились ее глаза, и она решила, что с ней можно будет поладить. Нашелся и Джереми Джеймс, теперь уже лысый и с большой бородой. На всех снимках он выглядел солидным, многознающим профессором.

Рейчел позвонила Морин Уайдермен-Джеймс и представилась. Последовала крошечная пауза, а за ней ответ:

– Я уже двадцать пять лет жду твоего звонка. Ты даже не представляешь, Рейчел, какое это облегчение – услышать твой голос.

Закончив разговор, Рейчел уставилась в окно, стараясь не заплакать, с губой, закушенной до крови.

Она отправилась в Дарем в начале октября, в субботу. На протяжении почти всей своей истории Дарем был центром сельскохозяйственного района, и, проезжая по узким проселочным дорогам, Рейчел видела огромные вековые деревья, полинявшие красные конюшни и коровники, а иногда – коз. В воздухе стоял запах горячей древесины и яблок из близлежащих садов.

Наконец она подъехала к скромному домику на Горэм-лейн, и Морин открыла ей дверь. Это была красивая женщина в больших круглых очках, подчеркивавших спокойное, но пронизательно-любопытное выражение светло-карих глаз. Каштановые волосы, небрежно завязанные в конский хвост, были темными у корней, а на висках и надо лбом виднелась седина. На Морин была красно-черная рабочая рубаша, которую она носила поверх черных рейтуз, – и никакой обуви. Когда она улыбалась, озарялось все ее лицо.

– Рейчел, – произнесла она тем же голосом, которым вела телефонный разговор: смесь облегчения и дружеской непосредственности. Похоже, ей не раз доводилось произносить это имя за прошедшие годы, и это вызывало легкое беспокойство. – Входи.

Она отступила в сторону, и Рейчел вошла в обитель двух интеллектуалов – книги начались в прихожей, занимали все стены в гостиной и часть стены под окном в кухне. Сами стены были выкрашены в яркие цвета; краска местами облупилась, но никто не обращал на это внимания; везде на свободных местах помещались статуэтки и маски из стран третьего мира, а на стенах висели предметы гаитянского искусства. При жизни матери Рейчел часто бывала в подобных жилищах и знала, какие пластинки будут на встроенной полке в гостиной и какие

журналы – внутри корзины в ванной, на какую станцию настроен приемник в кухне: Национальное общественное радио. Она сразу почувствовала себя как дома.

Морин подвела ее к двум раздвижным дверям в глубине дома, оперлась руками на простенок между ними и оглянулась на Рейчел:

– Ты готова?

– Как можно быть готовым к такому? – бросила Рейчел с растерянной усмешкой.

– Все будет хорошо, – тепло произнесла Морин, но в глазах ее проглядывала печаль. В жизни каждой из них начиналось что-то новое и заканчивалось что-то старое. Как подозревала Рейчел, Морин печалилась именно из-за этого. Все теперь будет по-другому.

Он стоял посреди комнаты и повернулся к ним, когда отворилась дверь, одетый примерно так же, как его жена, только вместо рейтуз – серые джинсы. Рабочая блуза, тоже из шотландки, тоже не заправленная в брюки и незастегнутая, была сине-черной, под ней виднелась белая футболка. Небольшое серебряное кольцо в мочке левого уха, три темных веревочных браслета на левом запястье и толстый кожаный браслет с массивными часами – на правом придавали ему слегка богемный вид. Лысина блестела, борода выглядела более короткой, чем на фотографиях из интернета. В целом он выглядел постаревшим; глаза запали, лицо слегка обвисло. Он был выше, чем ожидала Рейчел, но немного сутулился. Когда она подошла к нему, он улыбнулся. Это была улыбка из ее детства, то, что она будет помнить до самой смерти и еще долго после похорон. Неожиданная и неуверенная улыбка человека, которому некогда приходилось просить разрешения, прежде чем выражать свою радость.

Он взял ее за обе руки и окинул взглядом, жадно впитывая все подробности.

– Боже мой, – прошептал он, – посмотрите на нее, только посмотрите на нее.

Затем он сильно и неловко притянул ее к себе. Рейчел тоже кое-как обняла его. Он потяжелел и в талии, и в спине, и в плечах, но она прижалась к нему так тесно, что кости их соприкоснулись. Закрыв глаза, она слышала, как бьется его сердце, словно волны, набегающие на берег в темноте.

Рейчел подумала, что от него по-прежнему пахнет кофе. А вот запах вельветовых штанов исчез. Только кофе.

– Папа, – прошептала она.

Он отстранился, очень осторожно, но решительно, и указал рукой на кушетку:

– Садись.

Рейчел покачала головой, готовясь к тому, что сейчас на нее обрушится очередная порция дерьма.

– Я постою.

– Тогда давай выпьем.

Он подошел к барной тележке и стал готовить напитки для всех троих.

– Когда она, твоя мать, умерла, мы были в Европе. Я в тот год проводил каникулы во Франции и узнал о ее смерти лишь спустя несколько лет. У нас не было общих друзей, которые могли бы сообщить мне об этом. Я очень сочувствую твоей потере.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и сила его чувства встряхнула ее, как удар кулака.

Почему-то ей пришел в голову только один вопрос:

– Как вы познакомились?

Он объяснил, что встретил ее мать летом 1976 года в поезде, возвращаясь из Балтимора с похорон собственной матери. Элизабет только что получила докторскую степень в Университете Джонса Хопкинса и направлялась на восток, в колледж Маунт-Холиок, чтобы приступить там, впервые в жизни, к преподаванию. Джереми уже третий год работал на полставки адъюнкт-профессором в колледже Бакли, в пятнадцати милях севернее. Через неделю они встретились, а спустя месяц стали жить вместе.

Он подал Рейчел и Морин бокалы с виски и поднял свой. Все выпили.

– Твоя мать начала работать в краях, где господствовали очень либеральные взгляды, в очень либеральное десятилетие, и сожительство без брака считалось там допустимым. А тем более – беременность вне брака; некоторые даже восхищались этими случаями, презирав установленные нормы и правила. Но если бы она забеременела от случайного знакомого, это выглядело бы безвкусным и жалким, и в глазах людей она стала бы неразумной жертвой, неспособной возвыситься над обывательщиной. По крайней мере, так считала она сама и боялась этого.

Рейчел заметила, что Морин, выпившая уже полбокала, внимательно следит за ней.

После этого Джереми начал говорить сбивчиво и многословно.

– Но понимаешь... одно дело... мм... притворяться перед обществом, перед коллегами и так далее, и совсем другое – дома... Ну, то есть, не надо быть профессором математики, чтобы рассчитать... Одним словом, я понял, что твоя мать уже на третьем месяце.

«Вот. Он сказал это, – подумала Рейчел, сделав большой глоток, – но я как бы не слышу. Я понимаю, что он говорит, но не слышу этого. Не могу. Просто не могу».

– Я охотно и даже с удовольствием ломал бы комедию повсюду, но не мог притворяться дома, в нашей кухне, спальне. Постоянно жить во лжи было невозможно. Эта ложь отравляла все.

Рейчел чувствовала, что ее губы шевелятся, но не могла произнести ни слова. Воздух в комнате был сильно разрежен, стены постепенно сдвигались.

– Я сделал анализ крови, – сказал Джереми.

– Анализ крови, – медленно повторила Рейчел.

Он кивнул:

– Да, определение группы крови. Анализ не мог бы доказать отцовства, но опровергнуть его мог. У тебя ведь третья группа, да?

Рейчел впала в оцепенение, будто в спинномозговой канал впрыснули новокаин. Она кивнула.

– А у Элизабет была вторая. – Он опустошил свой бокал и поставил его на край стола. – У меня тоже вторая.

Морин пододвинула Рейчел кресло, и та опустилась в него. Джереми продолжил:

– Понимаешь? У твоей матери была вторая группа, и у меня вторая, а у тебя третья. Значит...

Рейчел взмахнула рукой:

– Значит, ты никак не можешь быть моим отцом. – Она допила виски. – Понимаю.

Только сейчас она заметила фотографии, расставленные на письменном столе, полках, пристенных столиках. Везде были дети Джереми и Морин, Тео и Шарлотта, в разное время жизни: вот они в младенчестве, вот они только начали ходить, и дальше – на пляже, на днях рождения, в день окончания школы. Памятные и другие мгновения, о которых могли бы забыть, если бы не фотографии, отражавшие всю жизнь, от рождения до поступления в колледж. Последние семьдесят два часа Рейчел думала, что они – ее брат и сестра. Теперь же оказалось, что это просто чьи-то дети. А она опять стала единственным ребенком.

Она поймала на себе взгляд Морин и ответила ей кривой улыбкой:

– Да, этого вы не могли сказать мне по телефону. Я понимаю.

Она встала. Морин тоже поднялась с кресла, а Джереми сделал два быстрых шага в ее сторону. Наверное, они боялись, что Рейчел потеряет сознание.

– Я в порядке. – Рейчел обнаружила, что рассеянно смотрит на потолок, и стало ясно, что он медный: кто бы мог подумать! – Просто мне... – она попыталась подобрать точное слово, – грустно? Да, грустно, – кивнула она, отвечая самой себе. – И потом, понимаете, я устала. Такие долгие поиски... Лучше я поеду.

– Нет, – сказал Джереми, – нет-нет-нет.

– Пожалуйста, не уезжай, – поддержала его Морин. – Мы приготовили гостевую комнату. Будь сегодня нашим гостем. Отдохни. Останься, Рейчел. Пожалуйста.

Она уснула, хотя не думала, что это возможно после испытанного унижения. Унижения от того, что они так жалели ее. Избегали этого разговора столько лет, не желая, чтобы она стала тем, кем стала – сиротой. Закрыв глаза, она слышала, как вдали тарахтит трактор, и это тарахтение доносилось до нее сквозь сон, который она потом не смогла вспомнить. Открыв глаза полтора часа спустя, Рейчел почувствовала себя еще более уставшей. Она подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы и увидела задний двор Джеймсов вместе с примыкавшим к нему садиком: разбросанные игрушки, невысокая горка из пластика, розовая с черным детская коляска. За садиком виднелся небольшой навес со светлой шиферной крышей, а за ним – вспаханное поле. На поле стоял, с заглушенным мотором, трактор, который она слышала.

Рейчел думала, что чувство одиночества ей знакомо, но оказалось, что до сих пор она его не знала. Она питала иллюзию, что вокруг нее есть люди, верила в ложного бога, мифического отца. С трехлетнего возраста она всячески убеждала себя, что, встретив его снова, она почувствует себя по крайней мере полноценным человеком. А теперь, после встречи, оказалось, что он так же далек от нее, как этот трактор.

Она спустилась по лестнице. Морин и Джереми ждали ее в маленькой гостиной. Рейчел остановилась в дверях и опять заметила жалость в их глазах. Она чувствовала себя попрошайкой, которая ходит всю жизнь от двери к двери и просит незнакомых людей накормить ее духовной пищей. Заполнить пустоту в ней.

«Я бездонный сосуд. Наполните меня».

Она встретила взгляд Джереми и вдруг подумала, что, может быть, он испытывает не жалость, а стыд за себя.

– Я поняла, что мы не кровные родственники, – сказала она.

– Рейчел, – отозвалась Морин, – заходи.

– И поэтому ты подумал, что можешь уйти, оставить меня?

Он поднял руки:

– Я не хотел оставлять тебя. Я ушел не от тебя, не от моей Рейчел.

Она вошла в комнату и встала за креслом, поставленным для нее напротив дивана, на котором они сидели. Джереми опустил руки.

– Но когда она решила, что я враг, – а она решила так сразу после того, как я не согласился с ее фантазиями насчет того, чей это ребенок, – мне уже не было пощады.

Рейчел села в кресло. Джереми продолжил:

– Рейчел, ты знаешь свою мать лучше других, и я уверен, что ты хорошо помнишь ее приступы ярости. Найдя подходящую мишень или повод, чтобы излиться, она уже не могла остановиться. И конечно, нельзя было говорить ей правду. Когда я получил результаты анализа крови, то стал уже не просто врагом, а раковой опухолью этого дома. По отношению ко мне у нее развилась... – он запнулся, подыскивая слово, – мания. Она хотела либо полностью подчинить меня себе, либо изгнать из дома.

– Стереть из памяти.

Он поморгал:

– Что?

– В тот последний вечер она кричала тебе: «Я сотру тебя из памяти!»

Джереми и Морин обменялись испуганными взглядами.

– Ты это помнишь?

Рейчел кивнула и налила себе стакан воды из графина на кофейном столике, стоявшем между ними.

– Именно это она и сделала, Джереми. Если бы она просто выгнала тебя, я думаю, это было бы неплохо для нас обоих. Но она «стерла» тебя – из памяти и с лица земли. У мертвых есть имена и могилы. От стертых с лица земли не остается ничего.

Потягивая воду, она оглядела гостиную с книгами, картинами, проигрывателем и пластинками, которые хранились именно там, где она думала. Шарфы ручной вязки, изогнутая кушетка в виде буквы S, царапины на полу из твердой древесины, потертости панельной обшивки – и общий беспорядок, царивший в помещении. Детям Джереми и Морин, наверное, было очень приятно расти здесь. Опустив голову, она закрыла глаза и увидела свою мать, а также детскую площадку с нависавшими над ней облаками и мокрыми скамейками, куда она ходила маленькой девочкой вместе с Джереми. Она увидела дом на Вестбрук-роуд и кучи намоченных листьев наутро после его ухода. А затем ей пригрезилась альтернативная жизнь, в которой Джереми Джеймс не уходил, а был ее отцом, хотя и не по крови; он воспитывал ее, давал мудрые советы, тренировал футбольную команду в ее школе. В этой альтернативной жизни ее мать не горела желанием исковеркать всех родных и знакомых, приспособив их к своему искаженному пониманию жизни, она была такой, какой представала в своих книгах и лекциях, – объективной, разумно мыслящей, не кичащейся своим превосходством, способной на простую, непосредственную и зрелую любовь.

Но им с Джереми досталась не такая Элизабет, а конфликтующая и агрессивная: не женщина, а ядовитая смесь раздутого интеллектуализма, неоправданного беспокойства и непомерной ярости. И все это было упаковано в оболочку компетентности, уравновешенности и спокойного нордического темперамента.

«„Я сотру тебя из памяти“.

Да, ты стерла его, мама. И одновременно уничтожила ту счастливую семью, какой мы с тобой могли бы стать, лишила нас возможности жить легко и радостно. Если бы только ты отказалась от своей проклятой позы, чертова сука».

Она подняла голову и отбросила волосы с глаз.

Рядом стояла Морин, держа в руках шкатулку с бумажными носовыми платками. Почему-то Рейчел именно этого и ожидала. Как называется такая предупредительность? А, да, материнская забота. Значит, вот так она выглядит.

Джереми сел на пол перед Рейчел, обнял колени руками и стал глядеть на нее снизу вверх, с добротой и сожалением.

– Морин, – обратился он к жене, – ты не оставишь нас с Рейчел наедине?

– Конечно-конечно.

Морин поставила было шкатулку на полку шкафчика, но передумала, вернула ее на кофейный столик и налила воды в стакан Рейчел. Затем она поправила валявшийся на полу коврик, одарила их улыбкой – задуманная как утешительная, эта улыбка, застыв на лице, превратилась в испуганную – и вышла.

– Когда тебе было два года, – сказал Джереми, – мы с твоей матерью ссорились почти непрерывно. Ты знаешь, что это такое – ежедневно воевать с другим человеком? С тем, кто заявляет о своей нелюбви к конфликтам, а на деле только ими и живет?

– Ты действительно ждешь от меня ответа? – спросила Рейчел, чуть приподняв подбородок.

Джереми улыбнулся, но его улыбка быстро увяла.

– Это иссушает душу, разрушает сердце. Ты чувствуешь, что умираешь. Жизнь с твоей матерью – по крайней мере, после моего причисления к врагам – превратилась в непрерывную войну. Однажды я возвращался с работы, и на лужайке перед домом меня вырвало прямо на снег. Ничего особенно плохого не происходило, просто я представил, как я войду и она набросится на меня, прицепившись к чему-нибудь. К чему угодно: к моему тону, к галстуку, надетому в этот день, к словам, сказанным мной три недели назад, словам, сказанным другими обо

мне. Как ей казалось, во мне есть что-то неправильное, – может, так подсказывала интуиция, данная свыше, или она видела это во сне...

Джереми вздохнул и покачал головой, словно удивлялся свежести этих воспоминаний тридцатилетней давности.

– Почему же ты проторчал там так долго?

Он встал на колени перед Рейчел, взял ее руки, прижал их ко рту и вдохнул их запах.

– Из-за тебя, – сказал он. – Я готов был остаться ради тебя, даже если бы меня тошнило каждый вечер в саду, если бы у меня обнаружили рак, или порок сердца, или любую другую болезнь... при условии, что я мог бы при этом воспитывать тебя.

Он отпустил ее руки и сел на кофейный столик, прямо перед ней.

– Но?... – с трудом проговорила она.

– Но твоя мать понимала это. И знала, что я остался бы в твоей жизни, нравится это ей или нет, даже не имея на это законных оснований. Однажды ночью, после нашего последнего секса, я проснулся и увидел, что ее нет. Тогда я побежал в твою комнату и убедился, что ты спокойно спишь. Я обошел весь дом, но не нашел ни Элизабет, ни записки от нее. Мобильники еще не появились, и у нас не было друзей, которым я мог бы позвонить.

– Вы прожили вместе два года и не завели друзей?

– Два с половиной, – кивнул он и наклонился к ней, сидя на столике. – Твоя мать пресекала все мои попытки завязать здесь контакты. Я не сразу это понял – у нас было много работы и маленький ребенок на руках, доставлявший много хлопот. И вплоть до той ночи я как-то не замечал, что мы полностью отрезаны от мира. Я тогда преподавал в колледже Святого Креста в Вустере, поездки туда и обратно отнимали много времени и сил. Твоя мать категорически не хотела общаться ни с кем из Вустера. А когда я предлагал ей встретиться с ее коллегами по факультету, то получал ответ: «Он тайный женоненавистник», или «Она так претенциозна», или «Он как-то странно смотрит на Рейчел».

– На меня?

– Ну да, – кивнул он. – Что я мог возразить?

– Примерно то же самое она говорила о моих друзьях, – сказала Рейчел. – Ну, знаешь, делала им двусмысленные комплименты: «Дженнифер, при всей ее ненадежности, кажется симпатичной» или «Хлоя, по идее, могла бы выглядеть очень привлекательно, если бы одевалась по-другому. Неужели она не понимает, что люди о ней думают?»

Рейчел с насмешкой говорила об этих странностях матери, но при этом ощутила боль где-то под ребрами, осознав, скольких друзей лишилась из-за нее.

– Иногда она все же договаривалась о встрече с другой парой или группой сотрудников, мы собирались выходить, и в последний момент все срывалось. Ломалась машина приглашенного бебиситтера, или Элизабет чувствовала внезапное недомогание, или у тебя был такой вид, словно ты собираешься заболеть: «Смотри, Джи-Джи, она вся горячая!» Или, например, люди звонили и отменяли встречу, хотя я не слышал звонков. Тогда все эти причины казались вполне естественными, и только со временем я понял, как они возникали. Так или иначе, друзей у нас не было.

– А в ту ночь она исчезла?

– И вернулась уже на рассвете. Ее избили. – Джереми уставился в пол. – Хуже того, изнасиловали. Правда, следы избиения остались только на теле, на лице – ничего.

– Кто это сделал?

Джереми посмотрел ей в глаза:

– Хороший вопрос. Она обратилась в полицию, где сфотографировали следы побоев, и согласилась пройти обследование по поводу изнасилования. – Он судорожно вздохнул. – Она сказала полицейским, что не могла бы опознать нападавшего, по крайней мере не могла в тот момент. А дома заявила, что, если я не возьмусь за ум и не сознаюсь, она...

– Секундочку, – прервала его Рейчел, – в чем ты должен был сознаться?

– В том, что лишил ее невинности.

– Чего ты не делал.

– Да.

– И что?

– Она настаивала на том, чтобы я признался. Сказала, что мы можем по-прежнему жить вместе только в том случае, если я буду честен с ней и перестану врать относительно своего отцовства. Я ответил ей: «Элизабет, я готов объявить всему свету, что я отец Рейчел, и подписать любые документы. Если мы разведемся, буду выплачивать алименты, пока ей не исполнится восемнадцать лет. Но бессмысленно и дико требовать от меня, чтобы я согласился с тобой, ее матерью, что это моя дочь. Никто не пойдет на такое».

– И что она ответила? – спросила Рейчел, хотя прекрасно знала, что могла сказать ее мать.

– Спросила, почему я так упорно лгу, какая странность во мне заставляет изображать все так, будто это *она* ведет себя неразумно в таком важном вопросе. И еще – почему я хочу выставить ее душевнобольной. – Он сложил ладони, словно в молитве, и понизил голос почти до шепота. – Как я понял, она не могла поверить в мое чувство к ней, если я не соглашусь на ее абсурдные условия. Вот в чем дело. Суть была в том, что мне ставилось абсурдное условие: или я соглашусь играть роль сумасшедшего, или мы расстанемся навсегда.

– И ты предпочел второе.

– Я предпочел остаться честным, – ответил он, – и в здравом уме.

Углы губ Рейчел скривились в горькой усмешке.

– Подозреваю, что это ей не понравилось.

– Она сказала, что если я решил быть трусом и лжецом, то никогда больше тебя не увижу.

Уйдя из дома, я уйду из твоей жизни.

– И ты ушел.

– И я ушел.

– И никогда не пытался связаться со мной?

Он покачал головой:

– Твоя мать поставила мне шах и мат. – Он наклонился вперед и осторожно положил ладони ей на колени. – Сказала, что, если я попробую связаться с тобой, она заявит в полицию, что это я изнасиловал ее.

У Рейчел все это не укладывалось в голове. Неужели мать была способна на такое: изгнать Джереми Джеймса, или кого бы то ни было, из своей жизни? Это было слишком даже для Элизабет. Но тут она вспомнила о судьбе нескольких людей, не угодивших Элизабет Чайлдс в те годы, когда Рейчел была еще ребенком: декана, против которого она постепенно восставила весь факультет; профессора психологии, с которым не продлили договор; уволенного привратника; рабочего, выгнанного из пекарни. Все эти люди, и еще двое или трое, осмелились выступить против Элизабет Чайлдс – или ей так казалось, – и ее месть была безжалостной и точно рассчитанной. Рейчел отлично знала, каким расчетливым тактиком была ее мать.

– Ты считаешь, что ее действительно изнасиловали? – спросила она Джереми.

Тот покачал головой:

– Думаю, после секса со мной она либо заплатила кому-то, чтобы ее избили, либо подстроила это другим способом. Я годами размышлял над этим. Такой сценарий кажется мне самым вероятным.

– И все потому, что ты не хотел жить во лжи в собственном доме?

Он кивнул:

– А еще потому, что я видел, насколько серьезно она помешалась. Этого она никак не могла простить.

Рейчел снова и снова прокручивала все это в голове и наконец призналась человеку, который должен был стать ее отцом:

– Когда я думаю о ней, а это случается слишком часто, то иногда задаюсь вопросом: может, ей нравилось творить зло?

Джереми опять покачал головой:

– Нет. Просто она была самым безумным человеком из всех, кого я знал. И самым безжалостным, когда ей перечили, это уж точно. Но в ее сердце жила большая любовь.

– К кому? – рассмеялась Рейчел.

Он взглянул на нее – мрачно и чуть обескураженно:

– К тебе, Рейчел. К тебе.

5

О люминизме⁶

Удивительно: встретившись с человеком, которого она ошибочно считала своим отцом, Рейчел подружилась с ним. Они сразу, без колебаний потянулись друг к другу – скорее как брат и сестра после долгой разлуки, а не как шестидесятитрехлетний мужчина и тридцатилетняя женщина, не состоящие, как выяснилось, в родстве.

В тот день, когда умерла Элизабет Чайлдс, Джереми проводил вместе с семьей годичный академический отпуск в Нормандии. Там он изучал давно интересовавший его вопрос о связи между экспрессионизмом и люминизмом – американским направлением в пейзажной живописи, которое часто путают с импрессионизмом. Сейчас его преподавательская карьера близилась к концу, на горизонте маячило увольнение по старости, и он пытался писать книгу о люминизме. Познания Рейчел в искусстве были ниже нулевой отметки, и Джереми объяснил ей, что люминизм происходил от Школы реки Гудзон.⁷ Он был убежден, что между этими двумя течениями есть связь, вопреки преобладающему мнению, что они развивались независимо друг от друга, по разные стороны Атлантики, в конце XIX века.

Джереми рассказал, что у двух известных люминистов, Джорджа Калеба Бингема и Альберта Бирштадта, был ученик по имени Колэм Джаспер Уитстон: он работал в телеграфной компании «Вестерн юнион», а в 1863 году сбежал, прихватив крупную денежную сумму. Ни украденных денег, ни самого Уитстона в Америке больше не видели, однако в дневнике мадам де Фонтен, богатой нормандской вдовы и меценатки, летом 1865 года дважды упоминается некий Калем Уайтстоун, «американский джентльмен с прекрасными манерами, утонченным вкусом и наследством сомнительного происхождения». Когда Джереми рассказывал Рейчел об этом, глаза его разгорелись, как у малыша в день рождения, а баритон зазвучал на несколько октав выше.

– В том самом году Моне и Буден⁸ писали пейзажи на нормандском берегу, устанавливая мольберты в двух шагах от коттеджа мадам де Фонтен!

Джереми верил, что эти художники, два столпа импрессионизма, встречались с Колэмом Джаспером Уитстоном и что он-то и был недостающим звеном между американским люминизмом и французским импрессионизмом. Оставалось только доказать это. Рейчел стала помогать ему в поисках, хотя и признавала всю иронию ситуации: она со своим не-отцом ищет художника, бесследно сгинувшего в середине позапрошлого века, и при этом они вдвоем не могут найти человека, зачавшего Рейчел тридцать с небольшим лет назад.

Джереми нередко заходил к ней домой во время наездов в Бостонский музей изящных искусств, Атенеум⁹ и Бостонскую публичную библиотеку. К этому времени Рейчел перешла из «Бостон глоб» на Шестой телеканал и жила вместе с Себастьяном, одним из продюсеров этого канала. Иногда Себастьян присутствовал при встречах Джереми и Рейчел, обедал или выпивал вместе с ними, но по большей части был на работе или на своем катере.

– Вы очень привлекательная пара, – сказал однажды Джереми, но прозвучало это как-то малопривлекательно. Он часто делал справедливые отзывы о Себастьяне, отмечая его интеллектуальные способности, рассудительность, приятную внешность, манеры компетентного человека, но при этом казалось, что он не согласен со своими же словами.

⁶ Люминизм – направление в американской живописи 1850–1870-х годов и в бельгийской живописи рубежа XIX и XX веков, сочетавшее импрессионистскую технику со световыми экспериментами.

⁷ Школа реки Гудзон – группа американских художников-пейзажистов, следовавшая традициям романтизма.

⁸ Эжен Буден (1824–1898) – французский художник.

⁹ Атенеум – одна из крупнейших американских частных библиотек, в которой располагается также художественный музей.

Он взял с каминной полки фотографию: Рейчел и Себастьян на борту его обожаемого катера. Рассмотрев снимок, Джереми поставил его обратно и улыбнулся Рейчел, мило и рассеянно, словно собирался сказать очередной комплимент им обоим, но не нашел подходящих слов.

- Видимо, он много работает.
- О да, – согласилась Рейчел.
- Наверняка он мечтает руководить всем каналом.
- Он мечтает руководить всей телесетью.

Джереми усмехнулся, отошел со стаканом вина к книжным полкам и уставился на фотографию Рейчел с матерью, о которой сама Рейчел почти забыла. Себастьян, которому не нравились ни фото, ни рамка, задвинул ее в самый конец полки, где она тонула в тени «Истории Америки в 101 объекте». Джереми осторожно вытащил карточку и поставил «Историю» наклонно, чтобы та не падала. На лице его появилось мечтательное и вместе с тем скорбное выражение.

- Сколько тебе здесь лет? – спросил он.
- Семь.
- Ага, поэтому нескольких зубов не хватает.
- Ммм, да... Себастьян считает, что я здесь похожа на хоббита.
- Он так сказал?
- Ну да, в шутку.
- По-твоему, это шутка?

Джереми взял фотографию и сел на кушетку рядом с Рейчел.

У семилетней Рейчел не хватало двух передних верхних зубов и одного нижнего, и в то время она старалась не улыбаться перед камерой. Однако мать не могла смириться с этим. Она достала где-то набор каучуковых клыков, покрасила маркером один из верхних зубов и два нижних, и в один из дождливых дней пригласила к себе в Саут-Хэдли Энн-Мари, чтобы строить рожи перед камерой. Теперь от серии остался только один снимок. Рейчел сидела в объятиях матери, обе разинули пасти в жуткой ухмылке.

– Господи, я уж и забыл, какой хорошенькой она была, – иронически улыбнулся Джереми. – Можно принять за твою подругу.

– Ах, брось, – отозвалась Рейчел, но, к сожалению, это было правдой. И как она не замечала этого раньше? Элизабет и Себастьян воплощали арийский идеал: волосы на несколько тонов светлее ванильного мороженого, резко очерченные скулы и челюсти, ледяные глаза, маленький рот с такими тонкими губами, будто они скрывали какую-то тайну.

– Иногда мужчины женятся на своих матерях, – заметил Джереми. – А тут...

Рейчел пихнула его локтем в животик:

– Ну хватит уж...

Джереми засмеялся, поцеловал ее в голову и вернул фотографию на место.

– А у тебя есть еще?

– Снимки?

Он кивнул:

– Я же не видел, как ты росла.

Рейчел отыскала в своем шкафчике коробку из-под туфель, заполненную фотографиями, высыпала их на кухонный стол – и ее жизнь предстала в виде беспорядочного коллажа, что показалось ей очень верным. Вот она празднует пятый день рождения; вот она на пляже лет в двенадцать; в полупарадной одежде – ученица первого класса средней школы; в футбольной форме в подростковые годы; у стенки полуподвального этажа вместе с Кэролайн Форд (тут ей, очевидно, одиннадцать, так как отец Кэролайн приезжал в школу только в том году); Элизабет с Энн-Мари и Доном Клэем – судя по всему, на коктейльной вечеринке; Рейчел с Элизабет

в день окончания средней школы; Элизабет, Энн-Мари, Ричард, первый муж Энн-Мари, и Джайлз Эллисон на Уильямстаунском театральном фестивале; они же на пикнике несколько лет спустя, со слегка поредевшими и поседевшими волосами; Рейчел в тот день, когда с ее зубов сняли скобки; два снимка Элизабет с какой-то компанией в баре. Элизабет выглядела на этих снимках совсем молодой – двадцать с чем-то лет, – и Рейчел не знала никого из этих людей.

– Кто это такие? – спросила она.

– Не имею представления, – ответил Джереми, посмотрев на фотографии.

– Похоже, из ученой среды. – Рейчел взяла обе фотографии, снятые, судя по всему, с интервалом не больше минуты. – Она здесь такая молоденькая. Наверное, только приехала в Беркшир.

Он взгляделся в фотографию, которую Рейчел держала в правой руке и на которой ее мать запечатлели разглядывающей бутылки в баре.

– Нет, не знаю никого из этой публики, – сказал он. – Даже бар мне не знаком. Это не в Беркширском округе. По крайней мере, я здесь не бывал. – Он поправил очки и взгляделся в снимок внимательнее. – «Колтс».

– Э-э?

– Смотри.

Она проследила за передвижением его пальца. В самом углу обеих фотографий, на стене за баром, у дверей в обшитый панелями коридор, который обычно ведет к туалетам, можно было разглядеть половину вымпела с белым шлемом и темно-синей подковой в его центре – эмблемой футбольной команды «Индиана колтс».

– Как ее занесло в Индианаполис? – удивилась Рейчел.

– «Жеребцы» переместились туда только в восемьдесят четвертом году, а до этого были в Балтиморе. Наверное, снято, когда она училась в «Джонсе Хопкинсе», еще до твоего рождения.

Рейчел положила поверх коллажа фотографию, на которой ее мать, против обыкновения, не смотрела с вызовом в объектив, и стала вместе с Джереми рассматривать другую: там все внимательно глядели в камеру.

– И что такого мы в ней нашли? – спросила она наконец.

– Ты когда-нибудь видела свою мать в сентиментальном или ностальгическом настроении?

– Нет.

– Почему же она сохранила две эти фотографии?

– Хороший вопрос.

На фото были трое мужчин и три женщины, включая Элизабет. Они сидели в одном из углов бара, тесно сдвинув табуреты. Широкие улыбки, чуть остекленевшие глаза. Самым старшим был грузный мужчина, сидевший на левом фланге. Ему можно было дать лет сорок, он носил бачки в стиле «баранья отбивная», с выбритым подбородком, был одет в клетчатый спортивный пиджак, ярко-голубую рубашку и широкий вязаный галстук со слегка ослабленным узлом под расстегнутым воротником. Рядом сидела женщина в фиолетовом свитере с высоким воротом; темные волосы были зачесаны назад и стянуты узлом, крошечный нос приходилось специально искать, подбородок почти отсутствовал. Следующей была худая негритянка с перманентом в стиле «джерикёрл», одетая в белый блейзер с поднятым воротником поверх топа на бретельках; в поднятой к уху руке она держала незажженную белую сигарету. Ее левая ладонь лежала на руке щеголеватого темнокожего мужчины в костюме-тройке бронзового цвета и квадратных очках с толстыми стеклами. Он смотрел в объектив прямым, серьезным взглядом. Справа от него сидел мужчина в белой рубашке с черным галстуком и велюровом пуловере на молнии. Каштановые волосы были расчесаны на пробор, распущены и завивались на висках. Зеленые глаза смотрели игриво и, пожалуй, чуть похотливо. Одной рукой он обнимал мать

Рейчел, но все остальные тоже обнимались. На сидевшей с краю Элизабет Чайлдс была волнистая блузка в тонкую полоску, три расстегнутые верхние пуговицы образовывали такой глубокий вырез, какого Рейчел у матери никогда не видела. Волосы, коротко подстриженные в беркширские годы, здесь ниспадали почти до плеч и были, по моде того времени, распушены по бокам. Но даже при всех недостатках тогдашней моды внутренняя сила Элизабет притягивала к ней взгляд. Она глядела на них из своего далекого прошлого так, словно знала, что тридцать лет спустя ее дочь и человек, за которого она, Элизабет, почти вышла замуж, будут вместе изучать ее лицо, пытаясь подобрать ключ к ее душе. Но на фотографии, как и в жизни, подходящих ключей не находилось. Улыбка Элизабет сияла ярче, чем у остальных пятерых, но зато у нее одной глаза оставались серьезными. Она улыбалась потому, что этого от нее ждали, а не потому, что хотела улыбнуться, и это впечатление подтверждалось второй фотографией, снятой за секунды до или секунды спустя после первой.

«После», – заключила Рейчел: на втором снимке кончик сигареты в руке негритянки уже мерцал красным светом. Мать больше не улыбалась, взгляд ее был устремлен на бутылки в баре справа от кассы – с виски, удивленно отметила Рейчел, а не с водкой, которую мать обычно предпочитала. Она не улыбалась, но благодаря этому выглядела более удовлетворенной. На лице лежала печать напряженности, в которой можно было бы усмотреть нечто эротическое, если бы объектом внимания Элизабет были не бутылки. Похоже, камера поймала ее в тот момент, когда она о чем-то мечтала или предвкушала свидание с человеком, вместе с которым собиралась покинуть бар или встретиться чуть позже.

А может быть, глядя на бутылки виски, она просто размышляла о том, что приготовить утром на завтрак. Рейчел со стыдом осознала, что фантазирует сверх меры, напрасно пытаясь отыскать в снимках дополнительный смысл.

– Это смешно, – бросила она и пошла за бутылкой вина, стоявшей на столе.

– Что смешно? – спросил Джереми. Он разглядывал обе фотографии, поместив их рядом.

– Можно подумать, что мы ищем на снимках *его*.

– Да, мы ищем на снимках его.

– Просто зашла в бар вместе с университетскими друзьями, и все.

Рейчел наполнила бокалы и поставила бутылку на стол между ними.

– Я прожил с твоей матерью три года и видел у нее только твои фотографии. Ни одной другой. А теперь вижу два снимка, которые она все эти годы прятала и не показывала мне. Почему? Что в них такого особенного? Я думаю, здесь снят твой отец.

– Может, ей было приятно вспоминать этот вечер, и больше ничего.

Джереми приподнял одну бровь.

– А может, она просто забыла об этих фото, – продолжила Рейчел.

Бровь приподнялась еще выше.

– О'кей, – сдалась она. – Твое предположение.

Он указал на мужчину в велюровом пуловере, сидевшего рядом с Элизабет.

– Смотри, глаза такого же цвета, как у тебя.

Разумно. Глаза зеленые, как у Рейчел, только более насыщенного оттенка – в ее собственных зеленых лишь намечалась, они казались почти серыми. Волосы каштановые, как у нее. Форма головы очень похожа, нос примерно такой же по величине. Правда, подбородок заостренный – у Рейчел он был скорее квадратным. Но у матери он тоже был квадратным: можно было сказать, что Рейчел унаследовала подбородок от матери, а глаза и волосы – от отца. Несмотря на несколько порнографические усики, он был красив, но в нем ощущалось что-то легковесное, а легковесность, кажется, никогда не привлекала Элизабет. Джереми и Джайлз, возможно, не были самыми яркими примерами внешней мужественности среди мужчин, которых встречала Рейчел, но в обоих чувствовался прочный стержень, а незаурядный интеллект

сразу бросался в глаза. А у мужчины в велюре был такой вид, словно он собирается объявить победительницу конкурса красоты среди молодых девушек.

– Он не похож на мужчину ее мечты, – заметила Рейчел.

– А я похож? – откликнулся Джереми.

– В тебе есть основательность, – ответила она. – Мать ценила основательность очень высоко.

– Но *этот* не подходит. – Джереми постучал пальцем по упитанному мужчине в кричащем спортивном пиджаке. – И этот тоже. – Палец переместился на негра. – Может быть, тот, кто фотографировал?

– Фотографировала женщина.

С этими словами Рейчел указала на отражение в зеркале: женщина с копной каштановых волос, выбивающихся из-под разноцветной вязаной шапочки, обеими руками держит фотоаппарат.

– А, да.

Рейчел стала разглядывать других людей в баре, случайно попавших на чужую пленку. За стойкой сидели двое пожилых мужчин и пара среднего возраста. Бармен у кассы отсчитывал сдачу. На пороге бара застыл входящий внутрь мужчина помоложе, в черном кожаном пиджаке.

– А как насчет него? – спросила она.

Джереми поправил очки и склонился над фотографией:

– Плохо видно. Подожди-ка.

Он встал, направился к холщовому рюкзаку, который повсюду таскал с собой во время научных изысканий, и извлек оттуда большую лупу, служившую также в качестве пресс-папье. При увеличении стало видно: человек в кожаном пиджаке чем-то удивлен и чуть ли не испуган из-за того, что ненароком вторгся на фотосессию. Кожа у него оказалась довольно темной – латиноамериканец или, может быть, индеец. Этническими особенностями внешности Рейчел ни то ни другое не соответствовало.

Джереми переместил лупу на человека в велюре. Цвет глаз определенно был таким же, как у Рейчел. Как говорила ее мать? «Ищи себя в его глазах»? Рейчел смотрела на увеличенные глаза мужчины, пока изображение не стало расплываться. Она отвела взгляд, передохнула и снова воззрилась на мужчину.

– Это мои глаза? – спросила она.

– Цвет твой, – ответил Джереми. – Форма другая, но ты ведь унаследовала костную структуру у Элизабет. Хочешь, сделаю пару звонков?

– Кому?

Он положил лупу на стол.

– Давай сделаем следующий шаг и предположим, что это ее приятели-аспиранты из Университета Джонса Хопкинса. Если это так, найти их всех, скорее всего, нетрудно. Если не так, мы всего лишь позвоним нескольким друзьям, которые работают там.

– Хорошо.

Джереми переснял обе фотографии на телефон, проверил, хорошо ли они получились, и сунул телефон в карман. У дверей он обернулся и спросил:

– Ты в норме?

– Да. А что?

– Ты как-то вдруг сникла, по-моему.

Она не сразу нашла что сказать.

– Ты не мой отец.

– Это так.

– Очень жаль. Иначе отец у меня был бы просто молоток. И мы бы покончили со всей этой канителью.

Джереми тщательно поправил очки: как Рейчел заметила еще раньше, он делал так, когда чувствовал себя неудобно.

– Молотком меня еще не называли.

– Вот поэтому ты и есть молоток, – сказала она и поцеловала его в щеку.

Впервые за два года она получила электронное письмо от Брайана Делакура – короткое, всего три строчки. В нем он хвалил серию статей Рейчел, вышедших две недели назад и посвященных выдвинутому против Массачусетской службы пробацции¹⁰ обвинениям в откатах и попустительстве. Возглавлявший службу Дуглас («Дуги») О’Хэллоран управлял ведомством как личной вотчиной, но теперь, благодаря расследованию Рейчел и ее бывших коллег по «Глобу», окружной прокурор готовился предъявить ему обвинение по всей форме. Когда Дуги случайно столкнулся с Рейчел в коридоре, писал Брайан, то выглядел так, будто наложил в штаны.

Она поймала себя на том, что расплывается в улыбке.

«Приятно сознавать, что Вы существуете на свете...» – писал он.

«И я рада получить известие от Вас», – хотела она написать в ответ, но тут увидела постскриптум:

«Собираюсь снова пересечь южную границу. Возвращаюсь в Новую Англию. Не порекомендуете место по соседству, где можно остановиться?»

Она тут же отыскала его в Гугле, чего до сих пор сознательно избегала. Фотография была только одна, слегка зернистая и расплывчатая, переснятая из статьи в «Торонто сан», где описывался благотворительный концерт 2000 года. Он стоял в нелепом смокинге, повернув голову в сторону. Подпись под снимком гласила: «Потомственный лесоторговец Брайан Делакура Третий». В сопроводительной статье говорилось, что он «замкнут» и, «как всем известно, скрывает свою личную жизнь от посторонних», окончил Университет Брауна и получил степень магистра экономики в Уортонском колледже. Сделавшись магистром, он...

«...Стал частным детективом в Чикопи», – мысленно закончила предложение Рейчел. Она улыбнулась, вспомнив его клетушку. «Золотой мальчик» попытался сойти с колеи, предложенной для него поколениями предков, но оказался недоволен сделанным выбором. Такой серьезный, такой честный... Если бы она обратилась в другое агентство и попала к другому сыщику, с ней неминуемо произошло бы то, о чем предупреждал Брайан – ее обобрали бы до нитки.

А Брайан не захотел так поступить.

Глядя на фотографию, она представила, что случилось бы, если бы он поселился где-нибудь по соседству – скажем, в одном-двух кварталах...

– Я живу с Себастьяном, – произнесла она вслух. – И люблю его.

Рейчел закрыла ноутбук.

Она сказала себе, что ответит Брайану на следующий день, но так и не собралась.

Спустя две недели позвонил Джереми Джеймс и спросил, прочно ли она сидит на своем месте. Рейчел стояла, но при этих словах прислонилась к стене и сказала, что заняла прочную позицию.

– Я нашел почти всех. Темнокожие мужчина и женщина по-прежнему вместе и занимаются частной практикой в Сент-Луисе. Вторая женщина умерла в девяностом году. Толстяк преподавал в колледже и тоже умер несколько лет назад. А парень в велюровом пуловере – это Чарльз Озарис, психолог-клиницист, работает на Оаху.

– Один из Гавайских островов.

¹⁰ Пробация – постановление суда об откладывании вынесения приговора или о приостановлении его действия на определенный срок.

– Если окажется, что он твой отец, – сказал Джереми, – у тебя появится шанс побывать в отличном месте. Буду ждать приглашения.

– Непременно.

Ей потребовалось три дня, чтобы дозвониться до Чарльза Озариса. Нет, она не занервничала, не встревожилась. Причиной было ее неверие в успех. Рейчел знала, что он не ее отец, чувствовала это нутром и всеми извилинами своего неутомленного мозга.

И все же какая-то часть ее надеялась на противоположное.

Чарльз Озарис подтвердил, что посещал аспирантский семинар по клинической психологии в Университете Джонса Хопкинса вместе с Элизабет Чайлдс. Несколько раз они заходили в бар «Мило» в Ист-Балтиморе, и там действительно висел на стене вымпел команды «Балтимор колтс». Озарис выразил Рейчел сочувствие и сожаление по поводу смерти Элизабет – «интересной женщины», как он выразился.

– Мне говорили, что вы с ней встречались.

– Кто мог вам такое сказать? – фыркнул Чарльз Озарис. – Мисс Чайлдс, я уже с семидесятих годов не скрываю своей сексуальной ориентации и не питаю никаких иллюзий на этот счет. Коллизии в связи с этим бывают, а иллюзии – нет. Никогда не бывал на свиданиях с женщинами и даже не целовался с ними.

– Значит, меня ввели в заблуждение, – пробормотала Рейчел.

– Значит, ввели. А почему вас интересует, встречался я с вашей матерью или нет?

Рейчел честно рассказала о своих поисках отца.

– А что, она не сказала вам, кто он такой?

– Нет.

– *Но почему?!*

Рейчел пустилась в обычные объяснения, которые с каждым годом казались ей все более смехотворными.

– Она почему-то считала, что таким образом оберегает меня. Сохранение в тайне личности моего отца по ошибке связалось у нее в голове с моим благополучием.

– Насколько я знал Элизабет, таких ошибок она никогда не делала.

– Зачем тогда так бережно хранить тайну? – спросила Рейчел.

– Я учился вместе с вашей матерью в течение двух лет, – ответил Чарльз Озарис с горечью, которой раньше в его голосе не замечалось. – И был, наверное, единственным человеком в радиусе десяти миль, который ни разу не пытался раздеть ее. Поэтому я вряд ли знал ее лучше других. А ей было спокойно со мной. По сути дела, мисс Чайлдс, я совсем не знал ее. Она не раскрывала людям свою душу. Ей нравилось быть скрытной, потому что она обожала секреты. Секреты давали ей власть над людьми. Это было лучше секса. Уверен, что секреты были ее любимым наркотиком.

После разговора с Чарльзом Озарисом Рейчел испытала три приступа паники в течение одной недели. Один произошел в туалетной комнате для служащих Шестого канала, другой – на берегу реки Чарльз во время утренней пробежки, а третий – ночью, в душе, когда Себастьян уже спал. Ей удалось скрыть это и от коллег по работе, и от Себастьяна. Она держала себя в руках, насколько это возможно во время приступа, и все время убеждала себя, что сердце работает нормально, горло не сжимается и она может дышать.

Ей все меньше и меньше хотелось выходить из дома. Несколько недель она таскалась на работу только благодаря усилиям воли, бросая вызов самой себе. В выходные она отсиживалась дома. Первые три недели Себастьян полагал, что в ней проснулся инстинкт гнездования. На четвертую это начало его раздражать. К этому времени они стали заметной в городе парой, их приглашали на все гала-концерты, благотворительные вечера и прочие мероприятия, где можно было и посмотреть что-нибудь, и себя показать, и, конечно, выпить под это дело. Они стали постоянными героями светской хроники в телепрограммах «Будьте с нами» и «Имена и

лица». Рейчел изо всех сил сопротивлялась, но была вынуждена признать, что все это ей очень нравится. Впоследствии она поняла, что здесь сработал механизм компенсации: родителей у нее не было, зато она вошла в большую бостонскую семью.

Итак, она ходила на мероприятия, пожимала руки, обменивалась поцелуями в щеку, выпивала за здоровье мэра, губернатора, судей, миллиардеров, актеров-комиков, писателей, сенаторов, банкиров, игроков и тренеров команд «Ред сокс», «Пэтриотс», «Бруинз» и «Келтикс»,¹¹ а также президентов колледжей. На Шестом канале она успела побывать – совершив этот карьерный взлет всего за шестнадцать месяцев – внештатным сотрудником, обозревателем новостей образования, уголовным репортером и, наконец, телекомментатором широкого профиля. На рекламной афише она красовалась рядом с такими асами вечерних новостей, как Шелби и Грант, и этот снимок даже использовали для представления обновленного логотипа канала. Когда они с Себастьяном решили пожениться, весь город горячо благословил их на это, и они чувствовали себя самозваными королями на ежегодном балу выпускников.

Через неделю после рассылки приглашений на свадьбу Рейчел случайно столкнулась с Брайаном Делакура. В тот день они брали у двух членов Палаты представителей интервью по поводу ожидаемого дефицита бюджета. Закончив работу, остальные сотрудники направились к фургону, а она решила дойти до студии пешком. Перейдя Бикон-стрит, она увидела, как навстречу ей из Атенеума вышел Брайан в сопровождении другого мужчины, постарше и пониже ростом, с рыжеватыми волосами и бородкой такого же цвета. Рейчел почувствовала секундное замешательство – то самое, когда встречаешь на улице знакомого человека и понимаешь, что знаешь его, но не можешь вспомнить, кто он такой. Когда между нею и мужчинами осталось всего десять-двенадцать футов, Брайан встретился с ней взглядом. В его глазах мелькнула вспышка узнавания, тут же сменившаяся непонятным для Рейчел выражением – беспокойством? страхом? – но и оно тут же исчезло, остался лишь неестественный, преувеличенный восторг.

– Рейчел Чайлдс! – Он одним махом преодолел разделявшее их расстояние. – Сколько же лет прошло? Девять?

Его рукопожатие неожиданно оказалось более крепким, чем она ожидала.

– Восемь, – ответила она. – А когда вы?..

– Знакомьтесь, это Джек.

Брайан сделал шаг в сторону, и его спутник вступил на освободившееся место. Все трое стояли на самой вершине холма Бикон-Хилл, их обтекала выплеснувшаяся на улицу толпа – было время обеденного перерыва.

– Джек Ахерн, – представился знакомый Брайана и пожал Рейчел руку.

Его рукопожатие было гораздо более деликатным. От Джека Ахерна так и веяло Старым Светом: французские манжеты с серебряными запонками высовываются из рукавов сшитого на заказ костюма, на шее – галстук-бабочка, борода тщательно подстрижена. Рука его была сухой, без мозолей. Рейчел подумала, что он наверняка курит трубку и знает толк в классической музыке и коньяке.

– Вы старые друзья с Брайаном? – спросил он.

– Скорее, просто знакомые, Джек, – вмешался Брайан. – Мы познакомились лет десять назад. Рейчел – репортер Шестого канала. Первоклассный репортер.

Джек учтиво наклонил голову в знак уважения:

– Вам нравится ваша работа?

– Большей частью да, – ответила она. – А вы чем занимаетесь?

¹¹ Бостонские клубы: «Ред сокс» – бейсбольный, «Бостон пэтриотс» – футбольный, «Бостон бруинз» – хоккейный, «Бостон келтикс» – баскетбольный.

– Джек увлекается антиквариатом, – поспешил ответить за него Брайан. – Прибыл сюда с Манхэттена.

– Через Женеву, – улыбнулся Джек Ахерн.

– Почему через Женеву? – спросила Рейчел.

– Я живу то на Манхэттене, то в Женеве, но Женеву считаю своим домом.

– Потрясающе, правда? – произнес Брайан; Рейчел не поняла, что именно должно было ее потрясти. – Ну, нам пора, Джек, – сказал он, посмотрев на часы. – Мы договорились на двенадцать пятнадцать. Очень рад был встрече, Рейчел. – Наклонившись к ней, он чмокнул воздух возле ее щеки. – Я слышал, вы выходите замуж. Рад за вас.

– Мои поздравления, – сказал Джек Ахерн, опять пожал ей руку и слегка поклонился. – Желаю счастья вам и жениху.

– Всего наилучшего, Рейчел, – произнес Брайан уже на ходу, послав ей издали улыбку и взгляд своих слишком ярких глаз. – Очень здорово, что мы увиделись.

Дойдя до Парк-стрит, они повернули налево и скрылись за углом.

Она же, задумавшись, все стояла на месте. Брайан Делакура со времени их встречи в 2001 году чуть пополнел, и это ему шло. Тогда он был чересчур костляв, шея была слишком тонкой для такой головы, а скулы и подбородок – слишком мягкими. Теперь же его черты обозначились более отчетливо. Он достиг возраста – тридцать пять лет, решила она, – когда, вероятно, стал напоминать своего отца и уже не выглядел как чей-то сын. Одевался он теперь с гораздо большим вкусом и стал по крайней мере вдвое красивее, хотя и в 2001 году был далеко не уродом. В его внешности произошли явные перемены к лучшему.

Но при всей компанейской шутливости в нем ощущалась какая-то неуравновешенность, беспокойство. Он был похож на человека, пытающегося продать вам таймшер.¹² Благодаря интернету Рейчел знала, что он руководит международным отделом фирмы «Делакура ламбер»,¹³ и с грустью подумала о том, что после десяти лет торговли лесом он стал типичным коммивояжером, который бодрится, с нарочитой радостью трясет вам руку и посылает воздушные поцелуи.

Ей представился Себастьян, который в этот момент работал в студии Шестого канала: откинувшись в кресле, он грыз карандаш и безжалостно резал видеозапись. Себастьян был королем жесткой редакции – да и все в нем было жестким, четким и прямым. Трудно было представить его торгующим чем-нибудь – так же как, например, копающимся в земле. Себастьян привлекал ее тем, вдруг поняла она, что в нем на генетическом уровне не было ничего бестолкового и неполноценного.

«И как жаль, Брайан Делакура, – мысленно обратилась она к старому знакомому, – что жизнь превратила тебя в обыкновенного торговца».

Джереми провел ее по проходу между рядами скамеек в церкви Завета; когда он приподнял фату, глаза его увлажнились. На свадебном обеде в ресторане отеля «Времена года» его семья присутствовала в полном составе: сам Джереми, Морин, Тео и Шарлотта. Рейчел пару раз обменялась с ними какими-то фразами, но если с Джереми она чувствовала себя абсолютно свободно, то с остальными ей было не по себе.

Во время их первой встречи Морин, казалось, была искренне рада тому, что Рейчел разыскала их, но с каждым новым визитом Рейчел она держалась все более отчужденно. Возможно, и в первый раз она проявила теплоту только потому, что не рассчитывала на затяжное общение. Нет, она совсем не была груба или холодна, но не говорила и не делала ничего существенного. Она улыбалась Рейчел, хвалила ее внешний вид или платье, расспрашивала о работе и Себастьяне и все время говорила, как рад Джереми тому, что Рейчел вновь появи-

¹² *Таймшер* – право одного из владельцев коллективной собственности использовать ее в определенное время.

¹³ Delacroix Lumber (англ.) – «Лесоматериалы Делакура».

лась в его жизни. Но она избегала встречаться с Рейчел взглядом, а в голосе ее чувствовалась неестественная оживленность, как у актрисы, которая изо всех сил старается не забыть слова – и забывает их значение.

Тео и Шарлотта, несостоявшиеся брат и сестра Рейчел, проявляли к ней почтение, смешанное со скрытой тревогой. Оба говорили с ней торопливо, опустив головы, и ни разу не задали вопроса о ней самой, о ее жизни, словно, спросив об этом, они тем самым признали бы ее реально существующей. Они предпочитали воспринимать ее как нечто, надвигающееся на их дом из туманного мифа, но так и не достигающее входных дверей.

Морин, Тео и Шарлотта распрощались через час после начала обеда, испытав при этом такое облегчение, что в пяти шагах от выхода кинулись прочь как на крыльях. По словам Морин и Шарлотты, они боялись подхватить простуду, а дорога была неблизкой. Джереми потрясло то, насколько поспешно они удалились. Пока остальные стояли на улице рядом со швейцаром и ждали автомобиля, он взял руки Рейчел в свои ладони и велел ей не забывать во время медового месяца о люминистах и Колэме Джаспере Уитстоне, так как по возвращении ее ждет работа.

– Конечно забуду, – ответила она, и Джереми рассмеялся.

Поправив очки, он разгладил складки рубашки на пополневшей талии, так как в присутствии Рейчел всегда стеснялся своего избыточного веса. Затем обратился к ней с привычной неуверенной улыбкой:

– Я понимаю, тебе хотелось бы, чтобы во время брачной церемонии рядом с тобой находился твой родной отец...

– Нет-нет! – Она схватила его за плечи. – Я очень благодарна тебе.

– Мм-да... Но... – Он неуверенно улыбнулся стенке за ее спиной, затем посмотрел ей в глаза и произнес уже гораздо увереннее: – Для меня участие в этой церемонии значило очень, очень много.

– Для меня тоже, – прошептала Рейчел.

Она прислонилась лбом к его плечу. Он положил руку ей на шею. В этот момент она ощутила такую полноту бытия, о какой даже не мечтала.

После медового месяца они уже не могли встречаться так же часто, как прежде. Морин плохо себя чувствовала – ничего серьезного, просто возраст сказывается, сетовал Джереми. Но ей требовалось присутствие мужа, что лишало его возможности проводить все лето в читальных залах Атенеума и Бостонской публичной библиотеки. Однажды им удалось все же выкроить время для совместного ланча в Нью-Лондоне. Джереми выглядел усталым, лицо его осунулось и посерело. Он признался, что у Морин со здоровьем дела обстоят хуже, чем он предполагал. Два года назад она перенесла рак груди, ей удалили обе молочные железы, но последние обследования не дали определенных результатов.

– То есть?

Рейчел протянула руку через стол и накрыла руку Джереми своей.

– То есть возможен рецидив. На следующей неделе сделают дополнительные анализы. – Он тщательно поправил очки и посмотрел поверх них на Рейчел с улыбкой, говорившей о желании сменить тему. – А как дела у молодоженов?

– Покупаем дом, – бодро ответила она.

– В Бостоне?

Она покачала головой, не уверенная в правильности принятого ими решения.

– Милях в тридцати к югу. Дом надо подновить и благоустроить, так что мы переедем туда не сразу. Но это хороший городок, и школы там хорошие, на тот случай, если будут дети. Себастьян вырос в тех местах. И катер у него там же.

– А свой катер он очень любит.

– Алё, меня он любит тоже.

– Я не говорил обратного. – Джереми криво усмехнулся. – Я только сказал, что он любит свой катер.

Четыре дня спустя у Джереми случился сердечный приступ, когда он сидел в своем кабинете в колледже. Точнее, он подозревал, что это приступ, но не был уверен на сто процентов и отправился на своей машине в ближайшую больницу. Подъехав к приемной скорой помощи, он поднялся по ступенькам к дверям, и внутри произошел второй приступ. Дежурный приемного отделения, кинувшийся к нему на помощь, был удивлен тем, с какой силой Джереми схватился своими мягкими профессорскими руками за лацканы его халата.

Он притянул лицо дежурного к себе, выпучил глаза и произнес фразу, после которой в течение долгого времени не говорил ничего. Смысл сказанного был непонятен дежурному, как, впрочем, и всем остальным.

– Рейчел в зеркале, – прохрипел Джереми.

6 Утраты

Уже третью ночь Морин и Рейчел дежурили по очереди в больнице у постели Джереми.

– Вы говорите, «Рейчел в зеркале»? – переспросила Рейчел.

– Так сказал Амир, – кивнула Морин. – У тебя усталый вид. Надо отдохнуть.

Через час Рейчел должна была появиться на работе. Она опять опаздывала.

– Я чувствую себя нормально.

Джереми лежал на кровати, открыв рот и уставившись в потолок бессмысленным взглядом.

– Дорога, наверное, ужасная, – сказала Шарлотта.

– Да нет, не такая уж плохая.

Рейчел села на подоконник, так как все три стула были заняты семейством Джереми.

– Врачи сказали, что это может продолжаться несколько месяцев, если не дольше, – сказал Тео.

Морин и Шарлотта заплакали. Тео подошел к ним. Все трое сгрудились, переживая свое горе. Несколько минут Рейчел видела только вздрагивавшие спины.

Через неделю Джереми перевели в неврологическое отделение, где у него постепенно восстановилась, хотя и частично, двигательная способность и элементарные речевые навыки – на уровне «да», «нет», «туалет». Он глядел на жену так, будто она была его матерью, на детей – как на внуков, а на Рейчел – недоуменно, словно не мог понять, кто она такая. Они пытались читать ему вслух, прокручивали на айпode его любимые картины, записи обожаемого им Шуберта. Все впустую. Он хотел есть и спокойно лежать, отдыхая от болей в голове и во всем теле. Он воспринимал мир с ужасающим нарциссизмом младенца.

Морин и дети дали понять Рейчел, что она может посещать Джереми, когда пожелает, – сказать что-либо иное было бы слишком невежливо. Но разговаривали они преимущественно между собой и испытывали явное облегчение, когда она собиралась уходить.

Себастьяна все это начало раздражать. Он говорил, что Рейчел едва знакома с Джереми и окрашивает сентиментальными соображениями взаимную привязанность, которой, в сущности, нет.

– Брось ты это, – посоветовал он ей однажды.

– Да нет, это ты брось, – отозвалась она.

Себастьян поднял руку – «извини» – и закрыл на миг глаза, показывая, что не хочет ссориться с ней. Подняв веки, он спросил, мягко и примирительно:

– Знаешь, что есть идея – перевести тебя в «Большую шестерку»?

«Большой шестеркой» они называли Нью-Йоркскую национальную телесеть.¹⁴

– Нет, не знаю, – ответила она, стараясь скрыть охватившее ее возбуждение.

– Все идет к этому. Тебе надо почистить перышки и сбавить обороты.

– Еще чего.

– Они дадут тебе для пробы важный материал, проблему общенационального масштаба.

– Например?

– Ну, не знаю. Ураган, массовое убийство, смерть знаменитости.

– И как нам выстоять теперь, когда ушла Вупи?¹⁵ – произнесла Рейчел задумчиво.

¹⁴ В «Большую шестерку» компаний, которым принадлежит 90 % американских средств массовой информации, входят «Дженерал электрик», «Ньюс корпорейшн», «Дисней», «Виаком», «Тайм Уорнер» и CBS («Коламбия бродкастинг систем»).

¹⁵ Вупи – очевидно, имеется в виду Вупи Голдберг (Кэрин Элейн Джонсон, р. 1955), актриса, продюсер, сценарист, телеведущая, посол доброй воли ЮНИСЕФ.

– Да, будет непросто. Но она не хотела бы, чтобы мы легко сдались.

Она засмеялась. Себастьян увлек ее на диван.

– Вот такие мы с тобой, крошка, – сказал он, поцеловав ее в щеку. – Сиамские близнецы. Куда я, туда и ты, куда ты, туда и я.

– Да, я знаю.

– Думаю, жить на Манхэттене будет хорошо.

– В каком районе? – спросила она.

– В Верхнем Вест-Сайде.

– А если в Гарлеме?

Оба рассмеялись, как супруги, понимающие, что главные расхождения между ними могут быть только теоретическими.

В течение осени состояние Джереми Джеймса значительно улучшилось. Он вспомнил Рейчел – но не свои слова медбрату насчет нее – и, казалось, скорее терпел ее присутствие, нежели чувствовал необходимость в нем. Большинство фактов о люминистах и Колэме Джаспере Уитстоне по-прежнему хранились у него в мозгу, но несколько перепутались из-за того, что нарушилось общее восприятие хронологии событий. Уитстон, исчезнувший в 1863 году, переместился в 1977-й, когда Джереми впервые посетил Нормандию в качестве университетского выпускника-стипендиата. Он думал, что Рейчел младше Шарлотты, и удивлялся тому, что Тео так часто пропускает школу, навещая его.

– Он совсем не занимается, – пожаловался он Рейчел. – Не хочу, чтобы он использовал мою болезнь для отлынивания от учебы.

В ноябре его перевезли домой, на Горэм-лейн, где за ним присматривала медсестра из хосписа. Постепенно он набирал силы, речь становилась более ясной и четкой, но мозг по-прежнему давал сбои.

– Никак не могу *ухватить* суть, – пожаловался он однажды Рейчел и Морин. – Чувствую себя так, словно попал в прекрасную библиотеку, а все книги в ней – без названий.

Во время одного из визитов Рейчел – стоял конец декабря 2009 года – он в первые же десять минут дважды посмотрел на часы. Она не обижалась. Кроме характера Элизабет Чайлдс и тайн, требовавших разгадки (у него – выяснение отношений между Колэмом Джаспером Уитстоном и Клодом Моне, у нее – поиски отца), у них почти не было тем для разговора. Ни общих планов на будущее, ни общего прошлого.

Рейчел пообещала, что даст о себе знать.

Идя к своей машине по каменным плиткам дорожки, Рейчел поняла, что во второй раз потеряла его. К ней вернулось привычное ощущение: жизнь – та жизнь, которой она жила, – это цепь утрат. Появлялись люди, некоторые задерживались возле нее на какое-то время, а потом все равно исчезали.

Дойдя до автомобиля, она оглянулась на дом. «Ты был мне другом, – подумала она. – Ты был мне другом».

Спустя две недели, в 5 часов дня 12 января, на Гаити произошло землетрясение силой семь баллов.

Как и предсказывал Себастьян, Рейчел поручили освещать события для «Большой шестерки». Первые несколько дней она провела в Порт-о-Пренсе. Вместе со съемочной группой она делала репортажи о распределении продуктов питания и прочих предметов первой необходимости, доставляемых самолетами. Как правило, все заканчивалось актами насилия и беспорядками. Они снимали трупы, сложенные штабелями на автостоянке Центральной больницы. Снимали импровизированные крематории на улицах города, где тела словно приносились в жертву ради умиротворения, а серные вихри крутились в черном маслянистом дыму, и он смешивался с дымом от тлеющих зданий и газопроводов, из которых постепенно улетучивался газ. Рейчел отправляла корреспонденции из палаточных городков и пунктов медицин-

ской помощи. В бывшем торговом центре они с оператором Гретой Килборн, снимая стрелявших по мародерам полицейских, запечатлели молодого человека с выпирающими наружу ребрами и зубами и почти полностью отстреленной ступней. Он лежал среди пепла и обломков, а рядом валялись украденные им банки с консервами, до которых он не смог дотянуться.

Сразу же после землетрясения в городе, помимо голода и болезней, активность проявляли только журналисты. Рейчел и Грета решили сделать несколько репортажей из приморского городка Леоган, где находился эпицентр землетрясения. Дорога в сорок километров заняла двое суток. Трупный запах стал ощущаться за три часа до прибытия на место. От города не осталось ровным счетом ничего, населению не оказывалось медицинской и иной помощи, по мародерам никто не стрелял, поскольку полицейских не было.

Рейчел сравнила это с адом, но Грета возразила:

– В аду все же кто-то отвечает за порядок.

Вторую ночь они провели в стихийном лагере беженцев, где стенами и крышами служили простыни. Вчетвером – вместе с Гретой, бывшей монахиней и девушкой, которая собиралась стать медсестрой, – они переводили молодых девушек из палатки в палатку, пряча их от мужчин, воспользовавшихся моментом, чтобы предаться насилию. Мужчины рыскали по лагерю в поисках девушек, вооружившись ножами и серпеттами – фермерскими мачете с изогнутыми лезвиями. Рейчел осталась в убеждении, что до землетрясения половина их были обыкновенными тружениками. Их главарь Жозюэ Даслюс был родом из провинции, располагавшейся восточнее зоны землетрясения. Девятый сын в семье, которая владела маленькой фермой в Круа-де-Буке и выращивала сорго, он озлобился на весь мир, осознав, что ферма никогда ему не достанется. Жозюэ Даслюс имел внешность киногероя и держался как шоумен. Он носил свободные брюки со множеством карманов и зеленую с белым футболку с закатанными рукавами. На левом бедре болтался автоматический пистолет 45-го калибра «Дезерт игл», а на правом – серпетта в потертых кожаных ножнах. Он уверял, что серпетта нужна ему для самозащиты, а пистолет, добавлял он, подмигнув, – для того, чтобы защищать других. Вокруг столько нехороших людей и творится столько нехороших дел, что без этого никак. Перекрестившись, он поднимал глаза к небу.

После землетрясения восемьдесят процентов территории Леогана были изрыты ямами и воронками. Закон и порядок были забыты. Ходили слухи, что в этот район посланы английские и исландские поисково-спасательные команды. Рейчел утром сама послала сообщение о том, что в гавани бросил якорь канадский эсминец. Среди руин города, как говорили, работали японские и аргентинские врачи, однако до сих пор никто их не видел.

Все утро и весь день они помогали Рональду Революсу, который до землетрясения учился на медбрата, и переправили трех смертельно раненных людей из лагеря в медпункт, устроенный в трех милях от лагеря миротворцами из Шри-Ланки. Переводчик заверил Рейчел, что они окажут помощь обитателям лагеря, как только наладят работу – к следующему вечеру или, самое позднее, через пару дней.

Когда Рейчел и Грета вернулись в лагерь, туда прибыли четыре молодые девушки. Изголодавшиеся, потерявшие всякое терпение мужчины из банды Жозюэ тут же заметили их, и, пока девушек поили водой и осматривали их раны, грязные помыслы каждого из насильников мгновенно слились в общий импульс.

В эту ночь Рейчел и Грете было не до репортажей – разве что кто-нибудь согласился бы выпустить в прямой эфир то, чем они занимались. Вместе с бывшей монахиней и Рональдом Революсом они перемещали девушек из палатки в палатку, редко оставаясь на одном месте больше часа.

Дневной свет не был помехой для насильников – они не видели в своих устремлениях ничего постыдного. Смерть в последнее время стала для местных жителей обыденным событием, прискорбным лишь в том случае, если умирал кто-то из близких. Мужчины беспрерывно

пьянствовали всю ночь и сейчас, на рассвете, еще не закончили; оставалось только надеяться, что алкоголь рано или поздно усыпит их. Двух девушек удалось вывезти из лагеря, когда утром в сопровождении бульдозера прикатил американский грузовик, чтобы увезти трупы к разрушенной церкви у подножия холма.

Но две другие бесследно исчезли. Они прибыли всего несколько часов назад, лишившись перед этим и дома, и родителей. Эстер носила выцветшую красную футболку и джинсовые шорты. Другую, в бледно-желтом платье, звали Видлен, но все обращались к ней как к Видди. Эстер была угрюма, почти ничего не говорила и избегала смотреть людям в глаза, что, впрочем, было понятно. И всех поражала неизменная жизнерадостность Видди, чья улыбка пронзала насквозь сердце каждого. Рейчел провела большую часть ночи вместе с Видди. Но наутро никто во всем лагере будто и не помнил Видди с ее желтым платьем, настежь открытым сердцем и привычкой непрерывно напевать.

Обе исчезли напрочь, словно и не появлялись здесь. Через час после восхода солнца стали расспрашивать двух их подруг, но те отмалчивались. Спустя три часа казалось, что, кроме Рейчел с Гретой, бывшей монахини Вероники и Рональда Революса, никто в лагере в глаза их не видел. К вечеру Вероника принялась рассказывать то, чего не было, а Рональд начал думать, что ему изменяет память.

В девять вечера Рейчел случайно встретила взглядом с одним из бандитов, учителем-естественником по имени Поль. Он всегда был неизменно вежлив. Поль сидел возле своей палатки и подстригал ногти ржавыми ножницами. В это время среди беженцев ходили слухи, что если бы даже девушки прибыли в лагерь – а на самом деле этого не случилось, – то к тому моменту, когда эти несуществующие девушки якобы исчезли, трое из шести пьяниц, рыскавших по лагерю той ночью, уже спали. И если этих девушек изнасиловали (чего не могло быть, так как их здесь не было), то Поль должен был участвовать в этом. Но если их убили (чего тоже не могло быть, так как их не существовало), то к этому моменту Поль тоже спал. Преподаватель Поль был всего лишь насильником. Если он и думал что-то о судьбе девушек, то тщательно это скрывал. Он посмотрел Рейчел в глаза, изобразил с помощью большого и указательного пальца пистолет, наставил ствол на ее промежность, взял в рот палец и принялся его сосать. При этом он беззвучно смеялся.

Затем он поднялся, подошел к Рейчел, встал перед ней и пылливо взгляделся в ее глаза. Очень вежливо, чуть ли не подобострастно, он попросил ее уехать из лагеря.

– Вы сочиняете небылицы, и это беспокоит людей, – учтиво объяснил он. – Они не скажут вам этого, потому что у нас вежливый народ, но это их расстраивает. Сегодня вечером, – он поднял вверх палец, – никто не скажет вам, как он расстроен. Сегодня вечером, – палец опять поднят, – вам и вашей подруге ничто здесь не угрожает.

Спустя двадцать минут они с Гретой покинули лагерь на машине шриланкийцев. Оказавшись в полевом госпитале, Рейчел призывала отправиться на поиски девушек и шриланкийцев, и канадских миротворцев, направлявшихся со своего судна вглубь острова. Но никто не понимал, что тут срочного. Пропали две девушки? Пропавших считали уже *тысячами*, и число их непрерывно возрастало.

– Они не исчезли, – сказал ей один из канадцев, – они мертвы. Вы сами это понимаете. Как ни жаль, но это так. А искать тела сейчас нет ни времени, ни возможности. – Он оглянулся на своих товарищей и шриланкийцев, находившихся в палатке. Все кивнули в знак согласия. – По крайней мере, у нас.

На следующий день Рейчел и Грета отправились в Жакмель, а через три недели вернулись в Порт-о-Пренс. К этому времени Рейчел начинала рабочий день с четырех таблеток ативана,¹⁶ добытых на черном рынке, и запивала их ромом. У Греты, как она подозревала, выработалась

¹⁶ Ативан – успокоительное средство, снижающее нервозность и напряжение.

привычка принимать небольшие порции героина, о чем она рассказала Рейчел в первый же их вечер в Леогане.

Наконец им велели возвращаться в Бостон. Рейчел пыталась протестовать, но ведущий редактор связался с ней по скайпу и сообщил, что ее репортажи стали слишком резкими, слишком монотонными и недопустимо пессимистичными.

– Телезрителям нужна надежда на лучшее, – сказал редактор.

– А гаитянам нужна вода, – парировала Рейчел.

– Опять она за свое, – обратился редактор к кому-то за кадром.

– Дайте нам еще несколько недель.

– Рейчел, – сказал он, – послушай. Ты выглядишь хуже некуда. Я говорю не о прическе. Ты превратилась в скелет. Мы закрываем тему.

– Ну правильно, кого все это интересует?

– Нас интересует, – резко бросил редактор. – Соединенные Штаты отвалили полтора долбанных миллиарда на восстановление этого острова, а в ответ получили от нашего канала кучу дерьма. Может, хватит уже?

В мозгу Рейчел, затуманенном ативаном, вспыхнуло слово «Бог».

«Я хочу Бога с большой буквы, который, по словам телеевангелистов, останавливает торнадо, излечивает рак и артрит у истинно верующих. Бога, которого профессиональные спортсмены благодарят за победу в Суперкубке по футболу, или в Кубке мира по гольфу, или за успешное выступление в восемьдесят седьмой встрече из ста шестидесяти двух, проводящихся командой „Ред сокс“ в этом году».

Ей хотелось Бога, который спустился бы с небес, чтобы принять активное участие в людских делах, очистил водные источники на Гаити, вылечил пострадавших, восстановил разрушенные школы, больницы и жилые дома.

– Что за хрень ты несешь? – вытаращил глаза редактор.

Оказывается, она говорила все это вслух.

– Покупай билет на самолет, пока мы еще оплачиваем его, – сказал редактор, – и возвращайся на свое рабочее место.

Она поняла, что должна оставить надежду попасть на национальное телевидение. Нью-Йорк не для нее. О «Большой шестерке» можно забыть.

Она возвращается в Бостон, в «Малую шестерку», к Себастьяну.

Она отучила себя от ативана (для этого понадобились четыре попытки, но она справилась). Она пила столько же, сколько до Гаити (ну, почти столько же). Но руководители «Малой шестерки» больше не давали ей освещать главные темы. Пока она отсутствовала, ее место заняла другая журналистка, Дженни Гонсалес.

– Она умна и элегантна, с ней можно договориться, и она никогда не смотрит в камеру так, словно хочет боднуть ее, – сказал Себастьян.

Увы, это было горькой правдой. Рейчел с радостью возненавидела бы Дженни Гонсалес (Бог свидетель, она старалась), и тогда можно было бы считать, что та получила место благодаря своей миловидности и сексапильности. К тому же она обладала достоинствами, которым Рейчел не могла не позавидовать: магистерская степень по журналистике, полученная в Колумбийском университете, способность импровизировать на лету, безотказное умение попасть в яблочко и уважительное отношение ко всем, от секретарши до управляющего директора.

Дженни Гонсалес заменила Рейчел не потому, что была более молодой, хорошенькой и лучше подготовленной (хотя все это у нее имелось, черт бы ее побрал), а потому, что лучше справлялась с работой и легче общалась с людьми, с ней было приятно поговорить.

Вообще-то, у Рейчел оставались шансы. Если бы, соблюдая здоровый образ жизни, ей удалось повернуть вспять процесс старения, которому она придала ускорение на Гаити, если бы она перестала держаться вызывающе (черта, появившаяся в один прекрасный момент и

со временем усиливавшаяся), научилась лизать задницы и подыгрывать другим, вновь стала девочкой-сорванцом с привкусом сексуальности, чуть свихнувшейся на компе (ей даже дали очки в красной роговой оправе вместо контактных линз), и компетентным, первоклассным репортером, перекупленным у «Глоб» – за большие бабки, кстати говоря, – *тогда* ее оставили бы в «Малой шестерке».

Она старалась. Она познакомила телезрителей с котом, который лаял по-собачьи, и с новорожденным коалой из Франклинского зоопарка, поведала им о ежегодном первоянварском заплыве в Бостонской гавани с участием мужчин из команды «Л-стрит брауниз»,¹⁷ большей частью голых, и о том, что ждет невест в «Филенс бейзмент».¹⁸

Они с Себастьяном привели в порядок купленный ими дом к югу от города. Их рабочие часы не совпадали: когда Себастьян был дома, Рейчел работала, и наоборот. Видеться лишь изредка было очень удобно, и впоследствии она подумала, что именно это продлило их брак на целый год.

Она получила пару электронных писем от Брайана Делакура. И хотя одно из них («На Гаити Вы сделали очень большое дело. Теперь бostonцы, благодаря Вам, принимают эти события близко к сердцу») позволило ей пережить мерзкий в остальном день, она напоминала себе, что Брайан Делакура был торговцем, которым двигали странные силы – возможно, порожденные выбранной им, но нелюбимой карьерой. Ей не верилось, что в Брайане осталось что-то *настоящее*, и потому она отделалась краткими вежливыми ответами: «Благодарю. Рада, что Вам понравилось. Всего хорошего».

Она убеждала себя, что вполне счастлива, возвращается к нормальной репортерской работе и исполнению роли жены, становится прежней Рейчел Чайлдс. Но спала она плохо и не могла оторваться от репортажей с Гаити, наблюдая за тем, как страна судорожно пытается выкарабкаться и в итоге продолжает гибнуть. В долине реки Артибонит разразилась эпидемия холеры. Прошел слух, что ее занесли солдаты ООН. Рейчел умоляла ведущего редактора Клея Бона отпустить ее на Гаити хотя бы на неделю, пусть даже за свой счет. Но он вообще не удосужился ответить на ее просьбу, сказав вместо этого, что на парковке телестудии ее ждет фургон. Рейчел посылали в Лоуренс – делать репортаж о шестилетнем мальчугане, уверявшем, что Бог сообщает ему цифры, которые позволяют его матери выигрывать в лотерею.

Операторы снимали скрытой камерой солдат ООН, которые убирали протекающую трубу на берегу Артибонита, и этот материал произвел сенсацию. А в это время Рейчел брала интервью у столетнего болельщика команды «Ред сокс», впервые попавшего в спорткомплекс «Фенуэй-парк».

По Гаити катилась эпидемия холеры, а Рейчел сообщала телезрителям о пожарах в разных частях города, о соревнованиях по поеданию хот-догов, о воскресной гангстерской перестрелке в Дорчестере, о двух пожилых сестрах, соорудивших прикроватный столик из бутылочных пробок, о разнузданной студенческой вечеринке в районе Кливленд-серкл и о бывшем брокере с Уолл-стрит, которому надоело ворочать финансами и он занялся благотворительной деятельностью в пользу бездомных Северного берега.

Не весь этот материал был ненужным хламом. Рейчел почти убедила себя в том, что иногда приносит пользу обществу. Но тут на Гаити налетел ураган «Томас». Погибло всего несколько человек, однако убежища для жертв землетрясения были разрушены, канализационные трубы и коллекторы переполнились, холера распространилась по всему острову.

Она не ложилась спать в эту ночь, читая сообщения с Гаити и рассматривая отснятые кадры, и вдруг нашла в почте письмо от Брайана Делакура. Оно было кратким: «Почему Вы не на Гаити? Вы нужны там».

¹⁷ «Л-стрит брауниз» – бостонский клуб «моржей».

¹⁸ «Филенс бейзмент» – сеть магазинов для новобрачных.

У нее было ощущение, будто теплая рука обняла ее за шею: можно положить голову на сильное мужское плечо и закрыть глаза. Возможно, после той сумбурной встречи возле Ате-неума она судила Брайана слишком строго. Возможно, момент оказался неудачным – он торопился завершить сделку с Джеком Ахерном, антикваром из Женевы. Рейчел не видела связи между лесоматериалами и антиквариатом, но она плохо разбиралась в финансовых проблемах. Вдруг Джек Ахерн – это инвестор? Да, Брайан вел себя немного странно и нервничал. А что, человек не может вести себя немного странно и нервничать?

«Почему Вы не на Гаити? Вы нужны там».

Брайан все понял, хотя они не встречались несколько лет и редко обменивались электронными письмами. Он уловил, как важно для Рейчел быть там.

Все остальное было как по заказу – как пицца, доставленная из магазина. Полчаса спустя Себастьян пришел с работы и сказал:

– Они снова посылают тебя.

– Куда?

Он взял пластиковую бутылку с водой из холодильника, приложил ее к виску и закрыл глаза.

– У тебя есть контакты. Думаю, ты знаешь всю тамошнюю кухню.

– На Гаити? Меня посылают на Гаити?

Он открыл глаза, продолжая массировать висок бутылкой.

– На Гаити, на Гаити.

Рейчел знала, что Себастьян считает поездку на Гаити причиной ее карьерных неудач, хотя напрямую он этого не говорил. А ее неудачу он считал причиной того, что застопорилось его собственное продвижение по служебной лестнице. И поэтому слово «Гаити» прозвучало в его устах как непристойность.

– Когда?

Рейчел словно проснулась, проспав всю ночь, хотя совсем не ложилась. Кровь ее закипела.

– Клей сказал, не позднее чем завтра. Надеюсь, тебе не надо напоминать, что запороть это задание нельзя.

– Это ты так меня напутствуешь?

– Это я так тебя напутствую, – ответил он устало.

Она могла бы много чего сказать, но предпочла не затевать пререканий и вместо этого произнесла:

– Я буду скучать без тебя.

Ей хотелось немедленно броситься в аэропорт.

– Я тоже, – отозвался Себастьян, разглядывая нутро холодильника.

7

Вы со мной не встречались?

Снова Гаити. Снова зной, исковерканные здания, царящее повсюду отчаяние бессилия. То же ошеломленное выражение на лицах. Или гнев, или страх и голод. Но в основном недоумение. На каждом из них, казалось, читался вопрос: «Неужели все это – страдания ради страданий?»

Направляясь к больнице Шоскаль, расположенной в трущобах пригорода Сите-Солей, чтобы встретиться там со съемочной группой и сделать свой первый репортаж, Рейчел проходила по таким бедным кварталам, что трудно было понять, всегда они так выглядят или это последствия землетрясения. Вдоль улиц были вывешены фотографии – на разбитых фонарных столбах, вышках неработающих линий электропередачи и низких стенах. Порой это были снимки погибших, но в большинстве случаев – пропавших без вести. Как правило, они сопровождались вопросом-мольбой: «Èske ou te wè m?»

«Вы со мной не встречались?»

Нет, Рейчел не встречалась. Хотя – кто знает? Может быть, лицо мужчины средних лет на фотографии соответствовало одному из тел, которые она видела на развалинах церкви или на автостоянке больницы. Так или иначе, мужчина исчез и теперь уже вряд ли найдется.

Рейчел поднялась на небольшой холм. До самого горизонта тянулись трущобы: россыпь хижин из стальных конструкций и шлакоблоков, выжженных солнцем до одноцветной массы. Мимо проехал на грязном велосипеде мальчик лет одиннадцати-двенадцати с автоматической винтовкой за спиной. Он оглянулся на Рейчел, и она вспомнила, что этот район называют бандитским. Тут правили боги воинственных стычек за главенство над территорией. Питание сюда не поступало, а оружие – запросто. Не стоило разгуливать здесь в одиночестве, без танковых частей прикрытия и поддержки с воздуха.

Но она не испытывала страха. Как и вообще никаких чувств. Все чувства были вытоптаны.

Так ей казалось, по крайней мере.

«Вы со мной не встречались?»

«Нет, я не встречалась. Никто не встречался. И не встретится. Даже если твоя жизнь была богата событиями, это не имеет значения. Ты исчезаешь в момент рождения».

В таком настроении она прибыла на маленькую площадь перед больницей. Дальше последовала сцена, в которой был лишь один положительный момент: ее передала в прямом эфире только местная, бостонская сеть. «Большая шестерка» позже собиралась решить, надо использовать этот материал или нет. «Малая шестерка», однако, надеялась, что такая животрепещущая сцена возродит интерес телезрителей к теме, которая, как подозревали, стала вызывать у них усталость из-за обилия «чернухи».

Итак, Рейчел стояла перед больницей Шоскаль. Солнце выскользнуло из-за скопления черных туч прямо у нее над головой и принялось выжигать все подряд. Грант, надежда и опора «Малой шестерки», казался почему-то вдвое тупее обычного, когда Рейчел передавала ему информацию по международному каналу.

Она скороговоркой излагала факты: тридцать два подтвержденных случая холеры в больнице у нее за спиной; вызванное ураганом наводнение способствует распространению эпидемии по всей стране и затрудняет работу спасательных команд; положение ухудшается с каждым днем. Сите-Солей распростерся перед ними наподобие жертвы, принесенной богу солнца, и Рейчел вдруг почувствовала, как что-то отрывается от нее. Это было нечто внутреннее, не затронутое окружающим миром – возможно, часть души, – но жара и всеобщая разруха набро-

сились на нее и проглотили. А на освободившемся месте, в самой середине груди, расправил свои крылья воробей. И без всякого предупреждения стал бить крыльями, бить изо всех сил.

– Прошу прощения, Рейчел... – говорил Грант ей в ухо. – Рейчел! Рэ-че-ел!..

Зачем он твердит ее имя?

– Да, Грант?

– Рейчел, ты меня слышишь?

Она изо всех сил старалась не сжимать зубы.

– Да-да.

– У тебя нет данных, сколько человек заразились этой смертельной болезнью? Сколько больных?

Вопрос показался ей нелепым. Что значит «сколько больных»?

– Мы все больны.

– Что-что? – не понял Грант.

– Мы все больны, – повторила она. Слова выползали изо рта, как ей показалось, вязкой лентой.

– Ты хочешь сказать, что ты и другие сотрудники Шестого канала тоже заболели холерой?

– Что? Нет, конечно.

Дэнни Маротта отнял глаз от окуляра и вопросительно посмотрел на нее: «Ты в порядке?» К нему подошла Видди. Ее грациозная походка не соответствовала ни юному возрасту, ни пятнам крови на ее платье, ни улыбке, которая не играла на губах, а была, казалось, врезана в горло.

– Рейчел, – бубнил Грант, – Рейчел! Боюсь, я плохо тебя понимаю.

Рейчел в этот момент уже обливалась потом и тряслась так, что микрофон прыгал в ее руке. Наконец она выговорила:

– Я сказала, что мы все больны. Все-все, понимаешь? Мы больны. – Слова лились из нее, как кровь из колотой раны. – Мы больны, мы пропали. Мы притворяемся, что это не так, но мы все погибнем. Мы просто погибнем к распродолбанной матери.

Солнце еще не успело зайти, когда вся телестудия увидела эти кадры. Рейчел повторяет ошеломленному Гранту: «Мы все больны», ее руки и плечи трясутся, со лба струится пот.

На совещании в верхах, посвященном разбору катастрофы, руководство признало правильным, что Рейчел отключили от эфира за четыре секунды до слов «к распродолбанной матери», но пожалело, что это не сделали десятью секундами раньше. Когда стало ясно, что Рейчел сбрендила – то есть после того, как она впервые произнесла «Мы все больны», – надо было давать рекламную паузу.

Об увольнении Рейчел сообщили по мобильному, когда она шла по летному полю аэропорта Туссен-Лувертюр, чтобы сесть в самолет и лететь домой.

Вернувшись в Бостон, она в первый же вечер посетила бар в Маршфилде, в нескольких кварталах от их дома. Себастьян работал в ночную смену и дал понять, что пока не готов встречаться с ней. Он поживет на судне и «обдумает все, что она сделала с ними обоими».

Трудно было его винить. Сама Рейчел осознала, что поставила крест на своей карьере, лишь несколько недель спустя, а в тот вечер, выпив водки и посмотрев на себя в зеркало, поразилась своему испуганному виду. Страх не было, только ступор. Она тупо глядела поверх бутылок виски в правый угол бара за кассовым аппаратом и видела там женщину, немного похожую на ее мать и немного – на саму Рейчел, женщину, которая была до смерти чем-то устрасена.

Бармен явно не видел телепередачи, во время которой она сорвалась, и говорил с ней так, как уставшие от жизни бармены во всем мире говорят с посетителями, на которых им наплевать. Народу в баре было мало, шутить и расточать улыбки ради копеечных чаевых не имело смысла, и он не делал ни того ни другого. Он читал газету в дальнем конце бара и

посылал кому-то сообщения по мобильному. Рейчел проверила свой телефон, но все знакомые затаились в ожидании решения сильных мира сего – наказать ее как следует или отпустить восвояси. Правда, одно сообщение все же пришло, и, еще не нажав кнопку, Рейчел догадалась, от кого оно. Увидев имя Брайана Делакруа, она улыбнулась.

Рейчел, Вас не за что было наказывать. Вы проявили человечность в бесчеловечной обстановке. Вы не заслужили обвинений и увольнения. Вы заслужили какую-нибудь долбаную медаль. Так я думаю. Будьте на связи.

БД

«Кто же ты такой, Брайан Делакруа? – думала она. – Кто ты, странный человек, который почти всегда появляется как нельзя кстати? Знаешь, мне хотелось бы как-нибудь...

Чего именно?

Мне хотелось бы, чтобы ты получил возможность объяснить ту странную встречу около Атенеума. Ведь в тот момент ты был совсем не похож на человека, приславшего это сообщение».

Бармен налил Рейчел еще водки, она решила вернуться домой и, может быть, послать Брайану Делакруа электронное письмо и высказать в нем кое-какие мысли, только что пришедшие в голову. Она сказала бармену, что рассчитывается, и протянула ему кредитку. Но в этот момент ее охватило необыкновенно сильное ощущение дежавю. Нет, не ложное воспоминание: Рейчел была уверена, что это с ней действительно происходило. Она встретила взглядом с барменом в зеркале и увидела в его глазах недоумение: отчего посетительница так пристально смотрит на него?

«Мы незнакомы, – подумала она. – Но мне знаком этот момент. Это уже было со мной».

И тут она поняла, что не с ней. С ее матерью. Ремейк сцены с участием ее матери, запечатленной на фотографии тридцать один год назад, примерно в таком же баре и при схожем освещении. Она задумчиво смотрела на бутылки, как и Элизабет. Бармен, как и на фотографии, повернулся к кассе и стоял к ней спиной. В зеркале отражались его глаза, в зеркале их взгляды встретились.

«Ищи себя в его глазах», – сказала мать.

«Рейчел в зеркале», – сказал Джереми.

Бармен протянул чек. Рейчел подписала его, добавив чаевые.

Не допив водку, она оставила стакан на стойке и поспешила домой. В спальне она открыла коробку с фотографиями. Снимки, сделанные в баре Ист-Балтимора, лежали сверху, там, где они с Джереми оставили их два года назад. Рейчел проследила за взглядом матери, направленным поверх бутылок виски, в зеркало, – в нем Элизабет увидела то, что придавало ее лицу выражение *эротической сосредоточенности*.

В зеркале виднелось лицо бармена, и он смотрел на Элизабет. Глаза его были бледно-зелеными, почти серыми.

Пройдя с фотографией в ванную, Рейчел приставила снимок сбоку к своей голове и посмотрела в зеркало. Глаза бармена были такими же, как у нее, – тот же цвет, та же форма.

– Вот блин! – произнесла она. – Привет, папочка!

8

Кусок гранита

Рейчел подозревала, что бара давно не существует, но когда она набрала в поисковике «Бар „Мило“, Ист-Балтимор», на экран тут же выскочило множество снимков. Заведение изменилось: в кирпичной стене прорубили три больших окна на улицу, освещение стало мягче, вместо кассового аппарата появился компьютер, табуреты были снабжены спинками и вычурными подлокотниками, вместо вымпела «Балтимор колтс» висел вымпел «Балтимор рэйвенс». Однако на стене висело то же зеркало, и бутылки стояли точно так же, как раньше.

Рейчел позвонила в бар и попросила позвать владельца.

– Ронни слушает, – произнес мужской голос.

Она представилась как репортер Шестого канала, не уточняя, какого именно, и не стала сочинять предлог для будущего интервью. Обычно слово «репортер» либо сразу же распахи-вало все двери, либо намертво закрывало их. В обоих случаях это избавляло от лишних объ-яснений и траты времени.

– Ронни, я пытаюсь найти бармена, который работал в «Мило» в семьдесят шестом году. Если списки работавших в баре сохранились, может быть, вы поможете мне?

– Бармен в семьдесят шестом? Наверное, Ли, но надо уточнить у моего отца.

– Ли? – переспросила она, но Ронни уже отошел от телефона.

Несколько минут не было слышно ничего, только вдали, как ей казалось, звучали голоса. Затем послышались приближающиеся шаги, и кто-то взял телефон со стойки.

– Мило у телефона, – прозвучал скрипучий голос, после чего послышался свист воздуха, выдыхаемого через нос.

– *Тот самый* Мило?

– Да-да. А что вам угодно?

– Я разыскиваю человека, который работал у вас барменом лет тридцать пять назад. Ваш сын сказал, что это был Ли.

– Да, он тогда работал здесь.

– Вы его помните?

– Конечно. Он провел у нас лет двадцать пять, не меньше. Уволился примерно восемь лет назад.

– И он был единственным барменом?

– Не единственным, но главным. Иногда за стойку вставал я, иногда моя жена, иногда старина Гарольд, которому в то время было уже много лет. Это все, что вы хотели знать?

– А вы не подскажете, как мне найти Ли?

– Не могли бы вы объяснить, мисс...

– Чайлдс.

– Мисс Чайлдс, не могли бы вы объяснить, почему вы расспрашиваете меня о Ли?

Никакого предлога в голову не приходило, и она сказала правду:

– Возможно, он был знаком с моей матерью.

– У Ли было много знакомых женщин.

Отважившись, Рейчел выпалила:

– Я подозреваю, что он – мой отец.

Наступило молчание, нарушавшееся лишь шумным носовым дыханием. Это длилось так долго, что Рейчел испугалась, не лишился ли Мило дара речи, и хотела уже окликнуть его, но тут он спросил:

– Сколько вам лет?

– Тридцать три.

– М-да, – медленно проговорил Мило, – в то время он был смазливый проказником. И женщин у него хватало. Десять вроде бы. Даже пенни сверкает, если его недавно выпустили в свет.

И опять ничего, кроме дыхания. Рейчел ждала продолжения, но потом поняла, что его не будет.

– Я хотела бы увидеться с ним, – сказала она. – Если вы согласитесь помочь мне, то, может быть...

– Он умер.

Две холодные руки обхватили ее сердце и сжали его. Ледяная вода ринулась вверх по шее и заполнила череп.

– Умер? – переспросила она громче, чем собиралась.

– Да, лет шесть назад. Перешел в другой бар, в Элктоне. Пару лет поработал там и умер.

– А от чего?

– Сердце.

– Но он же был еще нестарым.

– Года пятьдесят три, пятьдесят четыре. Ну да, молодой еще.

– А каким было его полное имя?

– Мисс, я же не знаю вас. Может, вы хотите доказать его отцовство и предъявить претензии его наследникам. Я в этих вещах не очень разбираюсь. Но главное, я не знаю вас, вот в чем проблема.

– А если бы вы познакомились со мной?

– Тогда другое дело.

Утром она поехала на поезде в Балтимор со станции Бэк-Бэй. На платформе она встретила взглядом с проходившей мимо девушкой, чьи глаза расширились от неожиданности, когда она узнала Рейчел. Рейчел прошла в самый конец платформы, опустив голову, и остановилась рядом с пожилым джентльменом в сером костюме. Тот одарил ее печальной улыбкой и вернулся к чтению «Блумберг маркетс». То ли его улыбка выражала сочувствие Рейчел, то ли всегда была печальной – трудно сказать.

Больше ничего не случилось. Рейчел зашла в полупустой вагон и села в конце. С каждой милей ее новоприобретенный имидж публично высеченного грешника, казалось, оставался все дальше позади, и в Род-Айленде она почти полностью пришла в себя. Возможно, одной из причин было ее возвращение если не домой, то, по крайней мере, к месту зачатия. К тому же Рейчел испытывала странное удовлетворение при мысли о том, что она повторяет в обратном порядке поездку ее матери и Джереми Джеймса в западный Массачусетс летом 1976 года. С тех пор прошло больше тридцати лет. Стояла середина ноября. В городах и селениях, которые она проезжала, можно было наблюдать переход от поздней осени к зарождающейся зиме. Некоторые автостоянки уже посыпали солью или песком. Большинство деревьев потеряли листву, небо было бессолнечным, таким же голым, как и деревья.

– Это он.

Мило ткнул толстым указательным пальцем в случайно попавшего на фотографию художавого, лысеющего мужчину в возрасте, с высоким лбом, впалыми щеками и глазами Рейчел.

Самому Мило было около восьмидесяти, дышал он с помощью баллончика с жидким кислородом, пристроенного чуть ниже спины. Силиконовая трубка, которая тянулась вдоль спины, сверху раздваивалась на два рукава, подвешенных на ушах и спускавшихся к вставленным в ноздри канюлям. Мило сообщил, что страдает эмфиземой лет с семидесяти. Постепенно кислородная недостаточность усиливалась, но он еще мог выкуривать восемь-десять сигарет в день.

– Хорошие гены, – заметил Мило. – А вот у Ли были плохие.

Он положил перед Рейчел еще одну фотографию, без рамки. Обычный групповой снимок работников бара, каждый из которых позировал. Сделали его несколько десятилетий назад. У Ли была копна длинных темно-каштановых волос, и лоб выглядел не таким высоким. Все хохотали над какой-то шуткой, запрокинув головы, а Ли всего лишь сдержанно улыбался, и улыбка эта была не приветливой, а оборонительной. На вид ему было не больше двадцати семи или двадцати восьми, и Рейчел сразу поняла, чем он мог привлечь ее мать. В его улыбке затаились жизненная энергия и скрытое возбуждение. Она обещала слишком много и в то же время – слишком мало. У Ли был вид самого неверного и самого соблазнительного любовника всех времен и народов.

Стало понятно, почему Элизабет говорила, что он «пахнет молнией». Рейчел подозревала, что, если бы она сама заглянула в этот бар в 1976 году и за стойкой оказался бы этот мацо, она вряд ли ушла бы после первой же порции спиртного. Он выглядел как распутный поэт, гениальный художник-наркоман или музыкант, которому суждено погибнуть в автокатастрофе через день после подписания заоблачного контракта со студией звукозаписи.

Фотографии, которые показывал Мило, запечатлели жизненный путь Ли, большей частью пролежавший внутри этого самого бара. Можно было проследить, как сужался его мир, ограничивался выбор, уменьшались возможности случайного секса с какой-нибудь трепетной красоткой. Мир за стенами бара становился отталкивающим, от него хотелось спрятаться. Поначалу женщины бегали за ним, потом ему самому приходилось бегать за ними и наконец – подкупать их при помощи шуток и рюмок. И все это – до тех пор, пока сама мысль о сексе с ним не начала вызывать у женщин смех или отвращение.

По мере того как сексуальная привлекательность Ли снижалась, его улыбка становилась все шире. В то время, когда Рейчел училась в средней школе, он все еще носил униформу, введенную Мило – белую рубашку и черный жилет, – но кожа потеряла свою чистоту, лицо обрюзгло, улыбка стала более ревнивой, в задних рядах зубов образовались бреши. Но на каждом последующем снимке он выглядел свободнее, освобождаясь от бремени того, что скрывалось за сексуальной харизмой и самоуверенной похотливой улыбкой. Тело его старело, душа же, казалось, расцветала.

Затем Мило высыпал на стойку целый ворох фотографий, снятых во время ежегодных пикников и футбольных матчей, которые его родные и друзья устраивали в День независимости. Рядом с Ли, год за годом, обретались две женщины. Одна – худая брюнетка с замкнутым и напряженным лицом. Другая – неряшливая блондинка, обычно державшая бокал в одной руке и сигарету в другой.

– Это Эллен, – сказал Мило, указав на брюнетку. – Вечно на что-то сердилась. Никто не знал, на что именно. Такие женщины могут испортить любой праздник – день рождения, свадьбу, День благодарения. Мне доводилось видеть и то, и другое, и третье. Она бросила Ли году в восемьдесят шестом. Или в восемьдесят седьмом? Не позже. А другая – его вторая жена Мэдди. Не так давно еще жила в Элктоне. Они с Ли неплохо ладили несколько лет, а потом разошлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.